

Зарубежная

фантастика

Бен Бова
ВЛАСТЕЛИНЫ
ПОГОДЫ

Сборник
научно-фантастических
произведений

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» МОСКВА

Бен Бова

Ветры Альтаира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160166

Властелины погоды: Мир; 1981

Оригинал: BenBova, "The Winds of Altair"

Перевод:

Игорь Всеволодович Можейко

Белла Григорьевна Клюева

Аннотация

Землю населяют 50 млрд. человек. Исчерпаны все природные ресурсы. КК отправляются на поиски миров, годных для заселения. Один из них – Альтаир VI. Планета покрыта ядовитой атмосферой, сквозь которую никогда не проникает солнечный свет. Ее населяют волкоты – трехтонные, шестилапые хищники со зрением в ИК диапазоне, а также похожие на обезьян существа и другие звери. Люди их отлавливают, вставляют им в мозг зонды, а затем заставляют строить станцию по преобразованию атмосферы.

Содержание

1	4
2	10
3	19
4	36
5	46
6	62
7	72
8	86
9	100
10	110
11	128
12	139
13	147
14	156

Бен Бова

Ветры Альтаира

Майклу, который справился бы с любым волком

1

Странное ощущение. Странное и пугающее.

Джефф Холмен вновь улегся на ложе. Оно, казалось, плавило под ним, принимая форму тела; голова, спина и ноги, погружаясь в него, ощущали мягкое тепло.

Двое техников приспособливали серебристый шлем Джеффу на голову. Вид у них серьезный, озабоченный. Шумок не слышно.

Джеффу было видно окно, возле которого стояли его отец и мать с доктором Карбо. Выглядели они тоже мрачно. Беспокоились.

Джефф улыбнулся им, показывая, что ему не страшно. Было ясно, что его голос через толстое пластигласовое окно они не слышат. Он хотел жестом ободрить их, но его запястья были уже пристегнуты к ложу.

Наконец все было готово. Техники отступили назад, вышли из поля зрения Джеффа. Теперь, он знал, они сидят за

большой панелью управления, окруженные сотнями циферблатов, приборов и видеоэкранов.

«Если что-нибудь пойдет не так, они сразу прекратят испытание, – подумал Джефф, – уж это точно».

– Джефф, ты готов? – спросила Аманда, ассистентка.

– Так точно! – отозвался он, быть может излишне громко. В ушах гулко стучал пульс. «На экранах видно, как у меня колотится сердце».

– Закрой глаза, Джефф, – сказала Аманда, на этот раз мягче. – Представь, что засыпаешь.

Джефф закрыл глаза. «Уж спать-то я не буду».

Сквозь опущенные веки он увидел слабые проблески света, в глазах проплывали смутные картины. В ушах слышалось мягкое шуршание – оно напоминало шелестение ветерка в листве большого раскидистого дерева. Свет и тени переместились. Больно полыхнули вспышки звезды. Все тело непроизвольно напряглось, вздрогнуло. Затем он почувствовал, как по нему прошла волна слабой, но устойчивой вибрации.

Это и в самом деле было дуновение ветра.

Чувствовалось, как оно взъерошивает мех по всему телу. Было слышно, как оно проносится по лесу.

Он открыл глаза.

Он сидел на вершине холма, принюхиваясь, не донесет ли ветерок запаха опасности или пищи. Голод тупой болью ворочался глубоко внутри его крупного тела. Что-то было не в

порядке, не так, как обычно. Он зарычал, и из глубины его огромной груди вырвался громовой рев. Внизу у подножия холма маленькая юркая птица резко вздернула голову и тут же вспорхнула, всплеснув крылышками. Когда рычит волкот, всем остальным животным положено разбежаться.

«Он достиг контакта!» – прозвучало где-то внутри мозга Джеффа. Но это был странный, чуждый голос откуда-то издалека. Никакого отношения к нему он не имел.

Он поднялся на все шесть лап. Когти вонзились в травянистую почву. У подножия холма начинался лес, и там, среди его величавых деревьев, была пища. Вершина холма – хорошее место, его любимое место, где он спит и куда притаскивает добычу, чтобы поест. Когда он на вершине холма, ни одна тварь не сунется туда. Когда же он уходит, нарушить границы отваживаются только пожиратели падали – птероящеры с отвратительными крючковатыми клювами и маленькие желтоглазые шныряющие твари, чьи зубы разгрызают кости.

Осторожной рысью он спустился по склону – три тонны живого веса, ростом в холке с небольшое дерево, весь из мускулов и голода, – двигаясь быстро и беззвучно, как серое облако, но облако, вооруженное сверкающими зубами и острыми когтями. Словом – волкот.

«Определенно, он в контакте. Он может захватить управление?»

«Подождите... дайте ему время... не нажимайте слиш-

КОМ».

Зелень леса темнее, чем трава на открытом склоне холма. Наверху неслись по ветру облака, темные на фоне яркого неба. Весь лес был испещрен их тенями, и кое-где было темно, почти как ночью. Ветерок, напевая, доносил из этого дремучего восхитительного леса целую симфонию запахов: и цветов, и травы, и мхов, и высоких стройных деревьев, раскачивающихся, словно в танце. И еще, что гораздо важнее, запахи животных, пищи: быстроногих антилоп, отчаянно дерущихся своими рогами и острыми копытами, маленьких древолазов, больших щетинистых землероек, прячущихся в норах все светлое время суток.

Было раннее утро. Далекое солнце казалось всего лишь ярким пятнышком на небе. Оно еще не успело подняться над землей и частично затенялось деревьями. Альтаир, который взойдет днем, слишком ярок, на него нельзя смотреть в упор.

«Альтаир». Хотя название и всплыло в его памяти, в нем чувствовалась какая-то необычность, чуждость.

Он крался в лес, двигаясь бесшумно, как змея, убрав когти, обострив все чувства, весь наготове к появлению пищи или опасности. Волкоты постарше, взрослые самцы, у которых много самок и детенышей, могут спать днем, по ночам отправляя своих самок на охоту. Кроме охраны самок и детенышей, они больше ничего не делают. Молодым же волкотам приходится охотиться в одиночку, преимущественно днем, пока не наберутся они достаточно сил, чтобы вызвать

взрослого на поединок за одну из его самок помоложе.

Он проскользнул подлеском бесшумно, беззвучно. К ручью – там найдется, что поесть. Подбираясь к ручью с подветренной стороны, он чуял запах антилоп на водопое, тогда как они не могли по запаху заметить его приближения. Это хорошо. Пустое брюхо гнало его вперед.

«Не собираетесь же вы оставить его так и позволить ему...»

«Вообще-то я не намеревался этого делать, но, похоже, он настолько хорошо связан с этим зверем, что мне не хотелось бы возвращать его сейчас».

«Однако...»

«Все в порядке. Если он собирается работать с животным, ему придется позволять животному есть».

«Странные звуки», – подумал он. Жужжат, как мошки над ухом. Но это жужжание было внутри головы.

Встряхнув своей массивной головой, он удвоил осторожность, и теперь продвигался медленно, поскольку журчание ручья было слышно уже неподалеку.

Он распластался в кустарнике, прижавшись к земле, осторожно пополз вперед. Потом замер. У самого ручья стояли шесть рогатых травоядных, остужая свои острые копыта в бегущем потоке. То одно, то другое животное наклонялось к воде, а остальные в это время, высоко подняв голову, осторожно оглядывались вокруг.

Сдерживая рычание, он подобрался и изготовился к

прыжку. Как только самое близкое животное опустит голову...

Он выпрыгнул из кустов, серым росчерком смерти нацеливаясь на ближайшую антилопу. Остальные, высоко подпрыгивая, тут же бросились врассыпную. Намеченная им жертва тоже прыгнула, но прямо вперед, в середину ручья. Вода была неглубокой, но быстрой, и антилопа оступилась. Ну, а волкоту ничего другого и не требуется.

Только один раз коснувшись всеми шестью когтистыми лапами земли, он вновь прыгнул прямо на спину антилопе. Крепко ухватив мясистое тело животного задними и средними лапами, он ударом передней сломал ему шею. В туче брызг они вместе упали в воду.

Он выкарабкался на берег ручья, держа добычу двумя передними лапами и передвигаясь на задних и средних лапах.

Запах крови, мяса был непреодолим. Подняв к небесам огромную черномордую голову, он торжествующе протрубил о победе; от его рыка содрогнулась земля.

«Прекратите это! Прекратите!»

«Верните его!»

«Хорошо, позволять ему участвовать в пиршестве нет нужды. Заканчиваем».

2

Джефф открыл глаза и вновь оказался на борту корабля. Он знал, что его тело и не покидало ложа, тем не менее...

Аманда и еще один техник отстегивали его. К ложу устремилась мать; на ее таком милом, родном лице отражались беспокойство и гордость.

– Все в порядке, Джефф?

Он кивнул, только тут заметив, что на голове уже нет металлического шлема.

– Конечно, все в порядке, – сказал он.

Слабость, однако, была. Он *чувствовал* слабость, чуть-чуть кружилась голова.

Здесь же был и его отец.

– Ты превосходно справился с работой, Джефф. Мы гордимся тобой.

Приподнявшись, он хотел сесть, и тут перед его глазами все покачнулось.

– Джефф! – Мать схватила, его за руку.

– Ничего, – сказал доктор Карбо. – Легкая потеря ориентации, этого следовало ожидать. Все обойдется.

К Джеффу подошла Аманда с чашкой жидкости, на ее темном лице сияла улыбка.

– Ну-ка, Следопыт, выпей это.

– Следопыт?

Улыбка Аманды сделалась еще шире:

– Посмотри в библиотеке. Это из книги, которую тебе следует почитать.

Он улыбнулся ей в ответ и выпил лекарство. Оно было теплым и приятным. Как сама Аманда.

– Как ты себя чувствуешь? – снова спросила мать.

– Хорошо. Отлично.

– В самом деле?

– Да, в самом деле!

Отец уже отвернулся и разговаривал с доктором Карбо.

– Так как наши дела теперь?

Карбо взглянул на Джеффа и медленно прошел с доктором Холменом через комнату к панели управления.

– Итак, – спокойно сказал он, – ваш мальчик достиг прочного контакта с волком. Если такой же хороший контакт будет получаться каждый раз, мы сумеем использовать волка в качестве исследователя, разведчика... чтобы найти других животных, с которыми тоже можно работать.

– Вы думаете, что другие дети тоже сумеют достичь контакта со здешними животными?

– Надеюсь, – Карбо пожал плечами. – От нас, взрослых, большого успеха уж наверняка не дождешься. Это дело – для ребят. Либо они справятся, либо нам надо упаковывать чемоданы и отправляться обратно на Землю.

Джефф следил, как они вдвоем медленно прогуливались по сверкающей белизной лаборатории. Отец Джеффа был

крупный широкоплечий мужчина с могучим торсом, его сильное, мужественное лицо обрамляли длинные золотистые волосы. Как непохож на него был сам Джефф, смуглый, темноволосый, с тонкими чертами лица. Доктор Карбо был круглолиц, невысок, несколько полноват, с первыми признаками облысения. Вечно казалось, что он забыл побриться. Зато у него всегда были ясные, веселые глаза, которые улыбались даже тогда, когда лицо оставалось серьезным.

– Я бы сказал, испытание увенчалось полным успехом, – сказал доктор Холмен.

Брови Карбо поползли вверх:

– Да, но мы еще не знаем, сможет ли он управлять животным.

– Конечно... но он был в таком прочном контакте. И какое прохождение по всем каналам органов чувств – экраны показывали в точности те; что видело в это время животное. Уму непостижимо!

– Думаю все же, что они не слепы. Хотя у них нет ничего похожего на глаза...

– Эти образования в форме чешуйки у них на голове, – сказал доктор Холмен, – не что иное, как инфракрасные рецепторы. Я так и думал. Животное способно видеть в лучах инфракрасного диапазона, которые мы не воспринимаем.

– Никогда не слышал ни о чем подобном.

– Вы же никогда не бывали внизу, на поверхности, – с жаром продолжал доктор Холмен. – Наше собственное зрение

там бесполезно. Через облачный покров никогда не проникает солнечный свет. Почва слегка светится, но видимость не больше пяти метров, а чувство расстояния и направления там постоянно подводит.

– Однако, если смотреть с помощью мозга и органов чувств животного, все это выглядит ярким и четким.

– Конечно, – кивнул доктор Холмен. – Но если бы волкот очутился на Земле, он, вероятно, оказался бы настолько же слеп, как и мы на Альтаире-6.

Джефф напряженно вслушивался в их разговор, не слыша, о чем ворковали рядом его мать и Аманда. Наконец он оставил свои старания.

– Ты не голоден? – спрашивала мать. – Обед для тебя готов, только скажи. Да, с нами собирается обедать Лаура – Полчеки переезжают...

Джефф еще чувствовал голодное урчание в брюхе волкота, все напряжение прыжка на спину гигантской антилопы. Он вздрогнул, но не от испуга и не от внезапности. Просто от волнения.

– Да, – ответил он наконец. – Я *чувствую* что-то вроде голода.

Официальным названием корабля было «Мелвин Л.Кэлвин», но члены пятидесяти семей, живших на борту, называли его просто «Деревней».

Он ничем не напоминал те обтекаемые звездолеты, которые Джефф видел, просматривая на своем экране художе-

ственные ленты. Не походил он и на нескладные ракеты, когда-то исследовавшие Луну и планеты Солнечной системы, которая теперь была так далеко, что и само Солнце выглядело всего лишь светящейся точкой, как и любая другая из миллионов звезд, видимых через иллюминаторы корабля.

Корабль «Деревня» представлял собой гроздь шаров-пузырей из пластика и металла, соединенных между собой трубами. Каждый шар служил либо жилищем для одной семьи, либо каким-нибудь общественным центром, например библиотекой, залом собраний, парком. Экипаж корабля составляла семья из четырех человек: старый капитан Ганнерсон, его сын, дочь и невестка. Пятым членом экипажа, не менее важным, чем любой из Ганнерсонов, был корабельный компьютер.

Ракетных двигателей на корабле не было. Во всяком случае, больших. Имелось несколько крошечных ракет ориентации, позволявших тем или иным образом подтолкнуть корабль при орбитальном полете или слегка изменить его положение. Но главными двигателями были генераторы гравитационного поля, а не ракеты.

Ключ к путешествиям за пределы Солнечной системы, к звездам, был найден еще в середине двадцатого столетия, хотя понадобилось еще сто лет исследований и конструкторских разработок, чтобы понять, как им воспользоваться.

Еще в шестидесятых годах двадцатого века астрономы открыли существование в космосе черных дыр – мест, где звез-

ды коллапсировали до таких малых размеров, а гравитационное поле настолько усилилось, что произошло сворачивание самого пространства. Один из первых посланных с Земли звездных зондов, запущенный в первые десятилетия двадцать первого века, был направлен к ближайшей от Солнечной системы черной дыре. Зонд исчез. К счастью, это был беспилотный дистанционно управляемый корабль-робот.

Но он появился вновь! Спустя сорок лет пораженные астрономы Земли зафиксировали радиосигналы старого зонда и установили, что он находится на удалении около сорока световых лет – гораздо дальше, чем позволяли ему улететь собственные энергетические ресурсы.

Отсюда вывод: фантастически искривленное гравитационное поле черной дыры каким-то образом протолкнуло зонд на расстояние в сорок световых лет. И почти мгновенно! Сорок лет ушло только на то, чтобы радиосообщение зонда со скоростью света вернулось на Землю.

Что может совершить природа, может имитировать и человек. Или даже улучшить. Иногда. Еще около сорока лет напряженной работы потребовалось ученым и инженерам, чтобы после множества неудач завершить разработку генератора гравитационного поля. Земной корабль, в сущности, мог возбуждать искривления пространства такого типа, какие возникают под влиянием черных дыр, и тем самым проталкивать себя мгновенно через световые годы пространства.

Человек мог теперь достичь звезд. Быстро. Дешево.

Среди физиков возникли споры, действительно ли корабли с гравитационными генераторами движутся быстрее света. Во многих университетах происходили длительные дебаты, во время которых не было слышно слов ни на одном из земных языков, зато километры досок и экранов в аудиториях покрывались вязью уравнений. Когда «Кэлвин» со своими пятьюдесятью семьями на борту стартовал к шестой планете звезды Альтаир, физики еще продолжали спорить. Обсуждалась правильность такого вывода: хотя ничто во Вселенной не может двигаться быстрее света, гравитационный генератор позволяет кораблю на мгновение исчезнуть из Вселенной и вновь возникнуть в ней в другом месте, отстоящем, возможно, на несколько световых лет от места исчезновения. Другими словами, корабль не движется быстрее света, даже несмотря на то, что именно это и происходит!

Когда Джефф рассказывал, как прошла проверка, Лаура вся обратилась в зрение и слух.

Впрочем, не совсем вся, вдруг осознал Джефф. Что-то ее отвлекало. Хорошенькая она была девчонка, с длинными рыжими волосами и заразительным звонким смехом. Когда вырастет, наверное, станет красавицей. Так как Джефф был на шесть месяцев старше Лауры, он всегда относился к ней, как к младшей сестренке.

– Это было потрясающе, – говорил он.

Обед кончился, и взрослые – родители Джеффа и Лауры –

перешли в гостиную. Они вдвоем приводили в порядок обеденный стол, отправляя посуду в стенной люк ультразвуковой мойки.

– Какие там запахи! Это все равно, что прожить всю жизнь с закрытыми глазами... Я хочу сказать, что мы очень много теряем из-за того, что наше обоняние не так совершенно, как у волкота.

– Но ты и в самом деле убил одну из этих бедных маленьких антилоп? – наморщила носик Лаура.

– Маленькие, как же! – выпалил Джефф. – И рога острые. И вообще, когда голоден...

– Чего я не понимаю, – переменяла тему Лаура, – так это каким образом работает вся ваша контактная штука.

– Все просто, – сказал Джефф. – Специальная группа спускается на поверхность, оглушает животное и вживляет в его мозг зонд. Потом кто-нибудь в «Деревне» подключается к аппаратуре в лаборатории доктора Карбо... точно как радио или телевидение, только здесь прямая связь от мозга к мозгу.

Опуская последние тарелки в мойку, Лаура покачала головой:

– Я помню случай, когда твой отец опускался на поверхность планеты... тогда Дон Мэтьюсон получил ранение.

– Там внизу тяжелые условия, – сказал Джефф. – Для людей.

На какое-то мгновение воцарилось молчание. Потом Ла-

ура с улыбкой взглянула на Джеффа.

– Там опасности, – добавил он, – всех видов. Воздух полон ядовитых газов, солнечного света нет, опасные животные – волкоты, ядовитые птицы и змеи... И радиация.

– Я знаю, – сказала Лаура. – Как раз поэтому моя мать считает, что нам следует вернуться домой. Альтаир-6 – не лучшее место для жизни людей.

– Да, – согласился Джефф. – Но а Земля не лучше.

3

Берни Карбо сидел в своей просторной комнате. Она одновременно служила рабочим кабинетом и жилым помещением с большим количеством плюшевой мебели и толстой циновкой из настоящей травы на полу. Стены в верхней части, изгибаясь, образовывали купол, вершина которого казалась открытой прямо в небо. В действительности, конечно, он не был открыт, просто крыша была сделана из пластика, прочного, как титан, и прозрачного, как воздух.

В «Деревне» Карбо был одним из немногих холостяков. Все они жили в одном и том же куполе. Как ни странно, хотя среди членов пятидесяти семей «Деревни» было немало одиноких девушек и незамужних дочерей, неженатых мужчин набралось всего с полдесятка. Что его вполне устраивало.

Откинувшись назад, доктор Карбо опустил спинку кресла для отдыха, которое превратилось в подобие ложа. Его взгляд задержался на середине купола, где в окружающей корабль черноте висели яркие немерцающие звезды.

Комната была освещена мягким светом, напоминавшим весенние сумерки на Земле. Поток воздуха доносил запах свежескошенной травы. При желании Карбо, просто коснувшись кнопки, мог бы установить в комнате аромат джунглей или резкий запах и шум морского прибоя. Берни Карбо лю-

бил пожить в роскоши, а он был достаточно блестящим психотехником, а правительство Земли баловало его. Разумеется, в определенных пределах.

Его рука скользнула к подлокотнику кресла, пальцы дотронулись до установленной там кнопки. Но не для того, чтобы изменить запах. В дальнем конце комнаты засветился экран, на пульте компьютера, расположенном рядом с экраном, зажглись лампочки.

– Ввод данных для хранения, – негромко пробормотал доктор Карбо, зная, что вмонтированный в ложе микрофон уловил бы и шепот. – Ввести час и дату записи.

Взглянув на экран, он убедился в том, что время и дата засветились там желтыми знаками на зеленоватом фоне.

– Так, теперь мне нужны все данные по сегодняшнему испытуемому, Джеффри Холмену.

Он сел, кресло сложилось вслед его движению так, что удобная спинка ни на мгновение не оторвалась от спины. На экране компьютера появился график, пульсирующие линии которого указывали частоту пульса, ритмы мозга, дыхания Джеффа и еще многое другое.

– Следующий.

Картинка на экране мигнула, и возник новый график.

Доктор Карбо долго просматривал график за графиком, изучал результаты проверки. Затем он просмотрел видеозапись того, что видел волкот, пока Джефф находился с ним в контакте.

Когда экран опустел, Карбо откашлялся:

– Хорошо, теперь запись. – Его голос стал громче, тверже, как если бы он говорил перед полной студентов аудиторией.

– Поскольку все наши проверки с привлечением взрослых в качестве испытуемых закончились неудачей, мы решили исследовать возможность использования детей и подростков из числа живущих на корабле. Ранее, при попытках использовать взрослых для достижения контакта с животными на поверхности планеты, было установлено, что взрослые полностью неспособны поддерживать такой контакт. Глубокие гипнотические исследования обнаруживают, что взрослые намеренно уклоняются от эффекта «разделения сознания», порождаемого таким контактом. Иными словами, они не могут в достаточной степени отказаться от собственной индивидуальности, чтобы хотя бы временно допустить проникновение в свое сознание индивидуальности животного.

Карбо посматривал на экран компьютера, где с той же скоростью, как он произносил их, появлялись слова. Где-то в уголке сознания шевельнулось желание проверить, будет ли успевать за ним компьютер, если он заговорит быстрее. Однако он сдержался и продолжал размеренным голосом, не изменяя темпа:

– Ответственность за решение об испытаниях детей лежит на мне. Кое-кто из специалистов-медиков и педагогов корабля резко выступил против этой идеи, некоторые родители также запретили использовать своих детей в качестве, как

они говорили, «подопытных кроликов». Пять семей разрешили детям пройти испытания. Первые две проверки закончились неудачей, испытывались мальчики шестнадцати и четырнадцати лет соответственно. Проведенная сегодня днем третья проверка, в которой испытуемым был Джеффри Холмен, оказалась успешной во всех отношениях.

Карбо помолчал. «Теперь можно начинать нагружать ребенка и смотреть, какую нагрузку он сможет принять. Смотреть на всю громаду психотехники, опирающуюся на маленького мальчика».

Земля задыхалась.

Людей было слишком много. Нет, не так просто. Человечество было не только чересчур многочисленно, но и слишком разобщено.

Пятьдесят миллиардов человеческих существ! Планета Земля была набита битком. Города разрослись до немыслимых пределов, при этом холмы выравнивались, морские побережья застраивались зданиями и автострадами, реки упрятывались под многоквартирными домами, взметнувшимися на километры ввысь. Воздух становился отравленным от загрязнений, реки превращались в зловонные клоаки, даже океаны умирали.

Пятьдесят миллиардов человек. Богатые и бедные. Принадлежащие к разным расам и нациям.

Правительство Земли предпринимало различные попытки. Все они оказались неудачными. Оно попыталось разру-

жить все нации и сделать невозможной войну. Оно пыталось обеспечить питанием голодных, образованием – неграмотных, создать стабильность для всех. Кроме всего прочего, оно пыталось контролировать рост населения. Оно потерпело неудачу. Богатые не хотели отказываться от своего богатства в пользу бедных. Бедные не хотели своей работой делать богатых еще богаче. Нации скрывали вооружения, а когда настал подходящий момент, правительство Земли было свергнуто. На Землю возвратились войны. Но не тотальные, не ядерные – малые войны. Война за захват богатой дельты реки, где хорошо растет рис. Война за контроль над залежами урана. Война просто из-за того, что слишком много людей и слишком мало продовольствия.

На большей части Земли преобладали всего два типа ландшафта: переполненные города и сельскохозяйственные угодья. Леса, степи, пустыни – все исчезло. Каждый клочок незастроенной почвы возделывался для выращивания злаков и овощей. Исключение составляли самые труднодоступные горные районы, куда очень немногие, самые удачливые и богатые люди могли ненадолго выезжать на отдых, чтобы полюбоваться настоящими деревьями и, возможно, услышать пение птиц (немногих, которые сумели к этому времени уцелеть).

Природные ресурсы Земли были почти исчерпаны. Уголь, пролежавший в земле сотни миллионов лет, полностью исчез, месторождения выработаны, на их месте остались лишь

зияющие шрамы карьеров. Да и эти шрамы вскоре были закрыты тонким слоем искусственной почвы и превращены в поля, пусть и не очень плодородные. Запасы тяжелых металлов – железа, меди, урана и других – практически истощились, их использовали до конца.

Без этих ресурсов гибель человечества становилась только вопросом времени. Оставались три возможности, и отчаявшиеся люди испробовали их все. Были разработаны максимально эффективные методы вторичного использования металлов. Но определенный процент все же терялся, и способов сохранить его не существовало. Осваивались моря, гигантские плавучие драги выделяли минералы из морской воды. Но это оказалось чрезмерно дорогостоящим делом. На планеты Солнечной системы и в пояс астероидов посылались ракеты с целью добычи минералов. Тоже очень дорого, в основном из-за того, что на кораблях приходилось использовать старые неэффективные ракетные двигатели, а не генератор гравитации. Генератор гравитации разрешалось использовать только за пределами Солнечной системы, чтобы его энергия сворачивания не воздействовала на орбиты планет.

Уже более ста лет люди мечтали покинуть Землю и найти новые миры, чтобы поселиться там. Но в Солнечной системе их постигло ошеломляющее разочарование. На Луне могли существовать небольшие колонии, не более того. Природных ресурсов для большого числа людей было недостаточно. Венера, столь привлекательная под облачным покровом,

оказалась раскаленным миром песчаных ураганов, на ее поверхности не было никаких жидкостей, кроме расплавленных свинца и алюминия. Марс был холоден и сух, без воздуха, без достаточного количества воды, на нем едва выжили последние представители местных форм жизни. Меркурий был еще хуже Луны, а внешние планеты, от Юпитера до Плутона, были невообразимо холодны, обладали сокрушительной силой тяжести и ядовитой атмосферой. Их лупы были не лучше.

И вот генератор гравитационного поля открыл дорогу к звездам. Вместо девяти миров человечество вдруг получило миллиарды. Вот оно, решение проблемы: уход к звездам!

Зонды-автоматы обнаружили десятки подобных Земле планет в пределах сотни световых лет от Солнечной системы.

Впервые за последние сто лет на Земле почти повсеместно воцарился мир, поскольку каждая нация, имевшая такую возможность, строила звездолет. Или даже несколько. Нации победнее объединяли свои ресурсы и строили корабли совместными усилиями. Ученые, к своей несказанной радости, вышли из опалы и стали международными посредниками и арбитрами, Все эти черные годы конфликтов ученые оставались, пожалуй, единственными людьми, которые оказались выше национальных предрассудков и мирно обсуждали свои дела на международных встречах. Теперь надежды всех землян устремились к ученым: им предстояло выбрать подходящие звезды и направить к ним земные корабли, а также –

что еще важнее – уготовить каждой нации свою звезду. Ученые выполнили эту задачу, проявив всю доступную человеку беспристрастность. И, что самое удивительное, все приняли их решения почти без возражений.

К звездам!

Но все это оказалось не так просто.

В Объединенной Федерации Северной Америки, простирающейся от скованных льдом островов Арктики до Панамского перешейка, было построено шесть звездолетов. Первым из них отправился в путь «Кэлвин». Целью его была шестая планета горячей белой звезды Альтаир. Перед личным составом корабля, его пятьюдесятью семьями, стояла задача подготовить планету для колонизации. Им предстояло исследовать мир, названный Альтаир-6, и преобразовать его так, чтобы он мог принять миллионы людей.

По сообщениям беспилотных зондов, Альтаир-6 был подобен Земле, только чуть меньше, поэтому с несколько меньшей силой тяжести. Химический состав планеты был аналогичен составу Земли. На ее поверхности были обнаружены большие количества воды в жидком состоянии. Планета была постоянно закрыта облачным покровом без единого просвета, но это только помогало экранировать поверхность от беспощадного жара Альтаира и создавало удобные для человека условия: поверхность была теплой, зеленой и привлекательной.

Однако, прибыв на место, экипаж «Деревни» обнаружил

планету с непригодной для дыхания метановой атмосферой, закрытую серыми облаками, в которых содержались невероятно сложные углеводородные молекулы.

– Живые молекулы... вирусы, – сказала главный биолог «Деревни» доктор Анна Полчек.

На поверхности планеты царила чернильная тьма, хотя почва слегка флуоресцировала. Воды было много, но она оказалась настолько насыщенной аммиаком и другими химикатами, что люди не могли ею пользоваться.

– Смог в облаках и химикаты в воде, – невесело шутил капитан Ганнерсон. – Естественное загрязнение среды. Вмешательства таких грязнуль, как мы, уже не требуется.

Когда люди «Деревни» после достаточно долгого орбитального исследования Альтаира-6 поняли, насколько он плох на самом деле, они собрались в зале собраний, чтобы принять решение. Выбор был невелик: либо признать поражение и вернуться на Землю, либо остаться на орбите и попробовать изменить планету так, чтобы человеческие существа могли на ней жить.

Руководителем экспедиции избрали доктора Холмена. Он призывал остаться.

– Мы можем победить эту планету! – настаивал он. – Можем перестроить ее для тех миллионов наших друзей и родных, которые истосковались по новому миру.

Голосованием было принято решение внять призывам Холмена и остаться. Они изменят атмосферу, очистят воду.

Альтаир-6 превратится в новый Эдем. Если местные растения окажутся неподатливыми и помешают выращивать земные злаки, они будут преданы огню, дефолиантам и так или иначе уничтожены. Если опасные животные будут угрожать жизни людей, они также будут уничтожены.

Однако люди не могли работать на поверхности планеты. Там было слишком темно и опасно, и даже в космических скафандрах они не могли оставаться на поверхности больше, чем несколько часов кряду. Применение роботов давало немногим больше: коррозия и вездесущая местная растительность настолько быстро выводили механизмы из строя, что они не успевали сделать ничего полезного.

И тут на доктора Берни Карбо снизошло вдохновение. На поверхности планеты обитали гигантские животные. Их можно использовать. Вживить в их мозг зонды и управлять ими с корабля. Так и было сделано. На поверхность спустились специальные группы людей в скафандрах, им удалось оглушить нескольких животных и имплантировать в мозг зонды. При этом два человека серьезно пострадали. Все животные, исключая одного волкота, погибли в течение нескольких дней после операции. Потом выяснилось, что взрослые не способны поддерживать контакт с животными. Тогда Карбо решил испробовать молодежь «Деревни», Джеффа Холмена в том числе.

После шести мучительных месяцев на орбите вокруг Альтаира-6 люди «Деревни» достигли первого успеха: Джеффу

удалось войти в контакт с волком и удержать его.

Питер Холмен, доктор наук, был геофизиком. Скорее даже геологом. В его обязанности входило определение состава почв и минералов, слагающих планету, на орбите которой они находились. Однако пока он получил в свое распоряжение всего два образца с поверхности планеты: горсть грязи и камни из двух точек, где люди производили посадку.

Получить большее количество образцов оказалось невозможно. Автоматические посадочные ступени по той или иной причине не возвращались, их незамысловатые механизмы, по-видимому, заело или же они коррелировали во враждебной атмосфере планеты. Доктор Холмен сам спустился на поверхность с группой людей, но они были тут же загнаны обратно в разведывательную ракету гигантским волком. В конце концов им удалось убить зверя лазерным лучом, но они поспешили взлететь, опасаясь, что его труп привлечет других животных.

В другой раз ураган чуть было не разрушил разведывательную ракету во время ее старта к «Деревне». И уже в безопасности, на орбите, внутри шаров «Деревни», доктор Холмен обнаружил, что один из помощников частично потерял зрение. Его глаза поразило интенсивное ультрафиолетовое и рентгеновское излучение звезды Альтаир, от которого не смогли защитить ни облачная атмосфера планеты, ни густые фильтры визора гермошлема.

Теперь доктор Холмен сидел за своим лабораторным сто-

лом, на котором лежали жалкие восемь камней; самый крупный был с кулак.

Лицо его исказила гримаса. Он взглянул на часы, вмонтированные в металлическую стену лаборатории, поднялся с табурета и шагнул к пульту. Набрал номер на клавиатуре экрана, и почти тотчас на нем появилось лицо жены.

– Где Джефф? – спросил доктор Холмен.

– Его еще нет? – удивилась она. – Я сказала ему, что ты ждешь его в лаборатории.

– Давно?

– Должно быть, около часа назад. – Она на мгновение отвернулась от экрана, чтобы уточнить время.

Доктор Холмен молчал, всем своим видом выказывая неодобрение.

– Я вызову его по интеркому, – сказала миссис Холмен. – Может быть, он опять в библиотеке...

– Хорошо. Я буду ждать его здесь, в лаборатории, – раздраженно ответил он.

Доктор Холмен выключил экран. Покачивая головой, он думал: «Я не знаю, что происходит с Джеффом последнее время. После того как он поработал с Карбо, после контакта с этим животным... он изменился. Витает в облаках. О чем-то мечтает... Это так не похоже на него!»

Трубы, соединявшие между собой шары «Деревни», тонули в зелени листвы. Создавалось впечатление, будто гуляешь по миниатюрному лесу. Под ногами была трава, вокруг – ку-

старник и карликовые деревья, на некоторых из них росли настоящие фрукты. Эти заросли не только пополняли, рацион обитателей корабля и служили источником значительной доли нужного им кислорода – они были красивы, а красота в долгом полете важна не менее хлеба насущного.

Зелень помогала также замаскировать некоторые особенности «Деревни», способные привести в замешательство. Шары корабля были собраны, как в погремушке, произвольно: не было ни передней, ни задней части, ни верха, ни низа. Поскольку искусственным тяготением внутри «Деревни» было легко управлять, всюду казалось, что идешь по прямой и ровной тропе при нормальной земной силе тяжести. Однако трубы делали самые причудливые повороты и изгибы. Даже если не чувствовать их при ходьбе, уже само зрелище резко сворачивающей и пропадающей из виду трубы или только представление о том, что тропа приведет к крутому падению, которому конца не видно, смутит кого угодно. Вот почему кусты и растительность были достаточно густы: они избавляли человека от подобных, тревожащих подсознание зрелищ.

Джефф и Лаура шли тропинкой, обрамленной кустарником, между небольшими причудливой формы деревьями. Они не замечали отсутствия звуков настоящего леса: не было ни пения птиц, ни жужжания насекомых, ни журчания воды. Только негромкое гудение электричества внизу, электричества, которое давало необходимые для жизни растений свет

и тепло.

Они свернули с тропинки и через кустарник подобрались к изогнутой металлической стене трубы. Наконец, они нашли то, что искали, а именно иллюминатор, направленный к планете под ними.

– Какая она яркая, просто ослепительная, – сказала Лаура.

Джефф согласно кивнул. Планета казалась неподвижной, совершенно круглой и сверкающей в резком свете Альтаира. Поверхность ее выглядела невыразительным диском, ровно, без просветов, как свежеевыкрашенная стена, покрытым белесыми облаками.

– Она и будет нашим домом, – сказала Лаура.

– Да. Когда мы приручим ее.

Лаура посмотрела на Джеффа.

– Когда ты приручишь ее.

– Ну, не только я... – Он почувствовал себя взволнованным и одновременно польщенным.

Она улыбнулась ему, как будто знала что-то такое, о чем ему известно не было.

Скорее ради того, чтобы просто переменить тему, чем по какой-либо другой причине, Джефф сказал:

– Это любопытно. Ну, как будто это уже не я больше. Когда я с волкотом... это... Я могу бежать со скоростью ракеты... я *сильный*.

– Ты всегда был сильным, – сказала Лаура.

– Я коротышка, – ответил он, – и знаю об этом. Любой

парень моего возраста со мной справится. И в спорте я не гигант – не то, что мой отец. Знаешь, он ведь до сих пор лучший бомбардир футбольной лиги.

– Я не о мускулах, – сказала она. – Мускулы могут быть у любой гориллы. Я хотела сказать, что ты сильный в том, что касается... твоего ума, сильный духом. Когда ты решаешь что-нибудь сделать, все у тебя получается.

– Гм... ну, может быть.

– Никаких «может быть». Почему, думаешь, они взяли на испытание именно тебя? Я-то знала, что если кто-нибудь и может достичь контакта с животными там, внизу, так это ты. Доктор Карбо сказал, что для этого человек должен обладать определенными качествами, и я поняла, что он говорит о тебе.

Джефф не знал, что сказать.

– Ведь твой отец пытался, верно? – продолжала Лаура. – И доктор Карбо тоже. И еще двое твоих приятелей со стальными мускулами. И ни у кого не получилось.

– Мне просто повезло.

– Нет, не повезло. Тебе это нравится. Тебе хорошо в контакте с этим животным...

– Волкотом, – поправил Джефф. – Пожалуй... да, думаю, ты права. Мне действительно хорошо. Но что-то пугающее в этом тоже есть. Для меня это не просто контакт с волкотом. *Я становлюсь им.*

На этот раз Лаура промолчала.

– А ты когда собираешься, – улыбнулся ей Джефф, – попросить, чтобы Берни Карбо испытал тебя? Если у меня получилось, у тебя тоже должно получиться... А чтобы проделать всю работу, нам наверняка потребуется больше народу, чем один человек.

– Девушку он не допустит даже к испытаниям, – сказала Лаура. – Такой хранитель мужского достоинства, как он, боится даже мысли, что девушка может утереть ему нос.

– Кто? Доктор Карбо?

– Ну да, – торопливо ответила она. – Многие девочки просили его испытать их. Он отвечал, что это мужская работа.

– Да... она может стать опасной.

– Но ты же с ней справился.

– Да, но... – Джефф вдруг смутился. Он и сам толком не знал, чью сторону в этом споре ему хочется принять.

Лаура, кажется, почувствовала его колебания. Понизив голос, она сказала:

– Мама собиралась поговорить об этом с доктором Карбо. Может быть, после того, как он убедится, что тебе ничто там не грозит, он позволит попытаться и другим... даже девочкам.

– Ты ревнуешь! – рассмеялся Джефф.

– Нет. Просто я тоже хочу испытать свое счастье.

Их прервал громкоговоритель интеркома:

– ДЖЕФФРИ ХОЛМЕН, НЕМЕДЛЕННО СООБЩИ О СЕБЕ В ГЕОЛОГИЧЕСКУЮ ЛАБОРАТОРИЮ. ДЖЕФФ-

РИ ХОЛМЕН, НЕМЕДЛЕННО СООБЩИ О СЕБЕ В ГЕОЛОГИЧЕСКУЮ ЛАБОРАТОРИЮ.

Джефф хлопнул себя по лбу.

– Квазары! Папа все это время дожидается меня... Я совсем забыл!

Взявшись за руки, смеясь, Джефф и Лаура побежали по аллее по направлению к шару, в котором находилась геологическая лаборатория.

4

– Порядок, Джефф, – сказал доктор Карбо, пристегивая мальчика к ложу. Его темное круглое лицо было сосредоточенно. Даже в глазах не было улыбки.

– Ты уже четыре раза вступал в надежный контакт с волкотом. Отлично. Теперь пора посмотреть, сможешь ли ты управлять зверем, сможешь ли...

– Краун, – сказал Джефф. – Его зовут Краун.

– Ты дал ему имя?

– Это и есть его имя, я его ему не давал.

Какое-то мгновение доктор Карбо молча смотрел на Джеффа со странным выражением лица. Затем он продолжал:

– Итак, его зовут Краун. Сегодня нам предстоит посмотреть, сможешь ли ты заставить Крауна выполнить для нас кое-какую работу. Мы ищем таких животных, которых можно использовать как помощников при ремонте механизмов, оставленных на поверхности.

Он продолжал все тем же очень серьезным тоном. Аманда и второй техник, Ли, суетились вокруг Джеффа, подключая разные датчики и контакты, которые связывали его с электронным оборудованием лаборатории.

Наконец приготовления были закончены. Джефф улегся поудобнее и закрыл глаза. Доктор Карбо, пристроившись

возле Аманды, наблюдал, как мальчик расслабляется, как будто засыпает. Потом его глаза под закрытыми веками пришли в лихорадочное движение. Пальцы ухватились за пустоту. Он вздрогнул и повернул голову.

На большой панели управления начала вращаться бобина с лентами для записи данных. На ожившем экране возник ставший уже знакомым для всех вид с вершины холма.

– Он в контакте, – прошептал доктор Карбо.

Аманда сделала почти незаметное движение, может быть, качнула головой.

– Похоже, это причиняет ему боль.

– На мониторах этого не видно, – сказал Карбо.

– Я знаю, но так выглядит...

– Ему это нравится. Он сейчас герой... каждый ребенок хочет стать героем.

– Может, и так. Но он теряет в весе. Ты заметил?

– Килограмм или около того. Беспокоиться не о чем.

– А я все-таки беспокоюсь, – сказала Аманда.

Краун проснулся мгновенно. Да ему и не приходилось спать крепко. Природных врагов у волкота не было, но опасности подстерегали всюду: безмозглая змея, стая голодных пожирателей падали, другой волкот, претендующий на его вершину холма.

Он поднялся на все шесть лап и по-кошачьи потянулся, потом неторопливой рысью выбежал из-под выступа скалы, где проспал ночь. В мягком рассеянном свете раннего утра

он внимательно осмотрелся с вершины холма.

Из леса доносились манящие запахи пищи.

«Нет, не в лес. На восток, лугами, навстречу восходящему солнцу».

Краун негромко прорычал. В лесу пища была, до и в лугах она должна быть. Кроме того, вчера он хорошо поел. Можно и поголодать. Пока.

Тем не менее какая-то странность была в том, что он поворачивался спиной к собственным охотничьим угожьям и покидал свой холм и лес. Оглянувшись напоследок, он тяжело протопал вниз по склону холма и повернул к поросшей травой открытой равнине, что простиралась до самого горизонта к утреннему солнцу.

«Он добился! Он управляет зверем!»

В лугах волкота встретили новые запахи. Странные запахи. Место было совершенно плоское, однообразие равнины нарушали только пологие складки почвы. Деревьев не было вовсе, хотя кое-где встречались островки кустарника, доставшего до плеча, а трава была Крауну по колено. Дул сильный ветер. Не встречая преград на своем пути, он уже не вздыхал; его порывы хлестали по меху Крауна, волнами гнули траву от самого горизонта до его лап.

Еще до наступления дня внутренности Крауна превратились в сплошной комок голода. Но съедобные животные на глаза не попадались. Запахов было много, но самих животных он не видел.

Он остановился и повернулся к ветру. Запахи пищи были сильными и свежими. Но не те запахи, что были в оставленном им лесу. Другие запахи. Других животных.

Краун припал к земле, распластавшись на своем пустом брюхе так, что почти все его громадное тело скрылось в траве. На виду осталась только серая неподвижная линия спины над кистями волнующейся травы. В полной неподвижности, – боясь моргнуть глазом, едва дыша, он всматривался и ждал.

Под гладким покровом перламутровых облаков над головой громоздились серые облака. Как сжатые кулаки темноты, они рассыпали по равнине свои стремительно гонимые бешеным ветром тени. Краун всматривался в траву, то сверкающую в свете дня, то темневшую в набежавшей тени.

Что-то пошевелилось! Маленькая коричневая пушистая тварь, не больше его лапы. Но все же пища.

И еще одна! Над травой показалась пушистая коричневая голова, животное беспокойно оглянулось и задергало носом, вынюхивая опасность. Краун лежал с подветренной стороны, и оно не почуяло его запаха. Голова спряталась, но правее тут же высунулась еще одна.

Не так уж много, но лучше, чем ничего. Краун ждал, ждал. Маленькие твари сновали в траве, подбираясь все ближе и ближе. Краун напрягся. Ближе...

Взревев, Краун прыгнул. Приземлившись на одно из животных, он мгновенно убил его и следующим прыжком на-

стиг еще одно. Трава вокруг вдруг ожила от скачущих и бешено снующих зверьков; они беспрерывно щебетали, вскрикивали, разбегаясь от громадной ревущей смерти, обрушившейся прямо на них.

Пытаясь схватить еще нескольких, Краун рванулся в одну сторону, потом в другую, но они легко ускользали от него. Некоторые умудрились проскользнуть прямо под его брюхом прежде, чем он успевал повернуться и ударить. Несколько минут он бессмысленно метался по траве, рычал, прыгал, крутился – безрезультатно. Добыча ускользала, словно вода сквозь пальцы.

Раздраженно поворчав напоследок, Краун вернулся к двум убитым животным. Завтрак получился небогатым.

Громоподобный рев заставил его поднять голову.

В нескольких прыжках от него стоял огромный волкот. Оскалившись, он уставился на Крауна. Поседевшая морда выдавала уже солидный возраст, но могучее рычание и массивный корпус свидетельствовали о том, что он был еще силен, сильнее Крауна.

Однако Краун вовсе не намеревался отказываться от своей добычи, как бы мала она ни была. Он прорычал в ответ незваному гостю.

Рядом с первым из травы поднялся еще один волкот. Самка. Она тоже зарычала. А возле старого самца с другой стороны появился третий. Позади себя Краун тоже услышал рычание. Обернувшись, он увидел еще двух самцов, поменьше

и помоложе его самого. Итак, против него пятеро.

Краун понимал, что означает их рев. Они пришли не из-за еды. Краун оказался на их территории. Это он был незваным гостем. И семейство собиралось избавиться от него.

Они с сопением и ворчанием кружили вокруг, поглядывая воинственно. С каждым их шагом круг становился темнее, уже.

Краун стоял над своей ничтожной добычей, в его горле клокотало рычание. Вожак остановился и взревел во всю мощь своей ярости. В десятке метров от него, там, где стоял Краун, этот рев отозвался болью в ушах. Краун подобрал одну из пушистых тварей и, прижав ее правой передней лапой, прихрамывая на остальных пяти, бросился наутек.

Они преследовали его еще какое-то время. Потом, удовлетворенные тем, что он покидает их территорию, отстали, проводив всего лишь несколькими предупреждающими рычаниями.

Краун промчался лугом, одолел небольшой подъем и остановился посмотреть на семью волкотов. Старый самец по-прежнему стоял, ощетинившись, и в упор смотрел на Крауна. Краун досадливо огрызнулся и продолжил свой путь по траве прочь от волкотов.

«Они – животные территориальные. Он не сможет добывать пищу там, где есть другие волкоты».

«Тогда ему придется найти территорию, где нет других. Или самому стать вожаком семьи».

«Это легче сказать, чем сделать. Намного легче».

Мяса у этой маленькой пушистой твари оказалось немного. Изрядно голодный, Краун возобновил поход по равнинным лугам.

Когда он затрусил дальше, небо начало темнеть, приближалась буря. Черные тучи закрыли все небо, ветер взвыл, донося до трепещущих ноздрей Крауна запахи других волкотов.

На своем холме Краун укрылся бы от дождя либо под выступом скалы, либо в пещере. В лесу тоже хватает деревьев и густого кустарника, чтобы переждать бурю. А здесь, в открытых лугах, никакого укрытия не было. Ничего, кроме травы, исхлестанной бешеным ветром.

Молния расколола небо пополам, и вслед за взрывом грома хлынул дождь, такой сильный и густой, что Краун ничего не видел дальше собственного носа.

Снова молния! Ему никогда не приходилось видеть зазубренный язык молнии так близко, таким ослепительно ярким. «Вниз! Ложись, не то молния попадет в тебя». Поворчав на безысходность своего положения, Краун улегся в мокрую, прилипающую к телу траву, отдавая свою шкуру на избиение дождю.

И не только дождю. Кусочки льда пулями барабанили по шкуре, трещали по толстым костям черепа, даже царапали его через толстый мех. Краун вздрагивал, ворчал, а градины тысячами иголок вонзались в него. Он зарылся мордой глуб-

же в траву, в самую грязь, лишь бы хоть как-то укрыться от града.

Продолжалось все это, вероятно, какие-то минуты, но ему они показались часами. Наконец град кончился, а дождь еще долго слабел, пока не прекратился вовсе. Тучи еще задерживались, хотя и неслись по небу, серые и грозные, будто торопились по важному делу.

Весь этот длинный серый день Краун продвигался лугами, стараясь не попадаться на глаза другим волкотам, избегая всех животных, подавляя гложущее чувство голода, эхом отдававшееся в брюхе. К вечеру он устало поднялся на низкую цепь округлых холмов. Неподалеку журчала вода. Он почуял хорошую антилопу и вскоре увидел ее: коричнево-белая, с грозными рогами, стройная, быстроногая, она подошла напиться к плещущей воде ручья. Краун безмолвно бросился на нее, настиг, когда она попыталась отпрыгнуть, одним молниеносным движением схватил и убил.

Не успел он съесть и небольшой части добычи, как появились другие волкоты. В быстро сгущавшихся сумерках он разглядел их угрожающие силуэты и услышал грозное рычание.

Краун зарычал в ответ: «Я голоден! Это моя добыча!»

Они медленно продвигались к нему. Краун быстро запихнул в пасть, насколько смог, большой кусок добычи, прошлепал через ручей и, крадучись, двинулся дальше по лесистым склонам холма.

Все так же болезненно голодный, он уснул у подножия дерева. Засыпая, он увидел свой лес и свою вершину холма.

– Он и в самом деле спит, – удивленно шепнула Аманда, взглянув на маленькое тело Джеффа, распростертое на ложе.

– Да, – сказал доктор Карбо. – У него был трудный день. Но на этих холмах нельзя надолго оставлять животное без присмотра. Слишком много в него вложено, чтобы потерять его сейчас.

– Не можем же мы требовать от ребенка...

Карбо знаком остановил ее.

– Пусть спит, пока не проснется животное. Можно воспользоваться электронным транквилизатором. Он отдохнет лучше, чем на руках у собственной матери. И немного питания введем внутривенно. Он должен быть наготове к моменту, когда проснется животное. – Доктор тоже говорил шепотом, но настойчиво, поэтому его голос звучал почти как шипение.

– Так нельзя обращаться с ребенком, – горестно сказала Аманда.

– Ерунда, – оборвал Карбо.

– Сочтут ли это ерундой его родители? Они уже три раза звонили, справлялись о нем.

– Скажи им, что он останется здесь на всю ночь. Скажи, что мы о нем позаботимся. Ради бога, Аманда, не валяй дурака, не сейчас по крайней мере, – слишком многое поставлено на карту!

Аманда невольно улыбнулась.

– Не надрывайся так. Я уже сказала Холменам, что Джефф останется здесь на ночь. И я их уверила, что блистательный доктор Карбо и его верная помощница будут самолично ухаживать за их сыном и следить за тем, чтобы ему было хорошо.

Карбо расплылся в улыбке.

– Милая ты моя! Я знал, что на тебя можно положиться.

– Но тем, чего ты не знаешь, можно было бы заполнить полки библиотек, – сказала Аманда, покачав головой.

– Ладно, ладно, – он потрепал ее по черной шелковистой щеке. – Ты уж проследи за тем, чтобы он был накормлен и ухожен. А завтра наступит еще один великий день. К полудню зверь должен добраться до лагеря, если ничего не стрясется.

Карбо, обойдя ложе, где спал Джефф, направился к дверям.

– Ты куда? – громким шепотом спросила Аманда.

– За едой, – театрально прошептал он в ответ. – С чем ты предпочитаешь бифштекс?

– С кетчупом.

Она рассмеялась при виде его гримасы.

5

Краун проснулся с восходом солнца, сверкающего Альтаира, зловещим ярким пятном пробившегося сквозь серебристо-серые утренние облака.

На этих холмах было хорошо, почти как дома. Среди деревьев пахло пищей. А тень от высоких густых ветвей обещала укрытие от полуденного зноя.

«Нет. Здесь оставаться нельзя. Надо добраться до лагеря».

Медленно разминая затекшие члены, Краун поднялся. Подергивая носом, всмотрелся в еще темный, затененный лес. Голодное брюхо дало себя знать, и он заворчал. Однако повернулся и двинулся сначала вверх на гребень холмов, а затем по другому склону вниз, направляясь к обширной каменной пустыне, простиравшейся насколько хватал глаз.

Над головой между низкими облаками парил большой крылатый зверь. Краун заметил его, когда дотащился до последних деревьев и выбрался на хилую травку, обрамляющую пустыню по краю. Ничего похожего на эту птицу ему раньше видеть не доводилось. Она была гораздо крупнее тех птиц, которых он знал. Перьев у нее, на первый взгляд, было маловато, только на концах крыльев. В коротком мощном клюве мелькали зубы.

Почти без всяких усилий животное легко парило в потоках нагретого воздуха, которые уже поднимались над каме-

нистой пустыней.

Краун остановился у подножия холма, где трава становилась реже и в конце концов пропала совсем. Теперь перед ним остались одни раскаленные голые камни. Он оглянулся на лес, покрывавший верхнюю часть холмистых склонов. Ветерок, еще дышавший прохладой, рассказывал ему о съедобной живности, что обитала среди деревьев. Он зарычал, вздрогнул... и двинулся к скалам.

«Такое управление животным на грани фантастики! Он уморит его голодом».

«Сейчас важнее добраться до лагеря. Пусть животное поголодает день-другой, может быть, удастся заполучить еще одного».

Было непереносимо жарко. Альтаир в облачном небе поднимался все выше, камни раскалялись и уже начали обжигать лапы Крауна при ходьбе. Огромный птероящер по-прежнему парил высоко над головой, как бы поджидая... поджидая...

Скалы. Одни скалы. Над ними дрожали потоки горячего воздуха, и все окружающее плыло перед глазами, как при головокружении. Краун все медленнее продвигался вперед, позабыв даже о голоде, а беспощадное солнце карабкалось все выше и выше, выплескивая на него жгучие лучи.

Но вот в дрожащем мареве он заметил еще нескольких птероящеров. Четверо. Десяток. Еще много-много. Они кружились где-то далеко на горизонте.

Вдруг он догадался, что это означает. Краун остановился, разглядывая летающих тварей, а они стали снижаться, пикировать и садиться, раскинув крылья. Они были слишком далеко, чтобы разглядеть, где или зачем они садились. Тем не менее каким-то непостижимым образом он это *знал*.

Краун свернул с намеченного пути и направился к скоплению птероящеров.

«Нет! Он должен идти прямо к лагерю».

«Управляет по-прежнему Джефф. Он позволяет животному свернуть».

«Что-то идет не так. Я буду заканчивать...»

«Подождите. Подождите! Посмотрим, чего добивается Джефф».

Уставший, изнемогающий от беспощадного солнца Краун продвигался к месту, где садились птицы. В такой каменистой пустыне могут водиться только стервятники. А приземляются стервятники там, где есть добыча. И поскольку они начали садиться всего несколько минут назад, добыча свежая.

Место, где садились птероящеры, закрывали от взора Крауна валуны выше его роста. Краун двинулся через них – где карабкаясь, где протискиваясь или обходя скалы.

Наконец он остановился на вершине огромной, источенной ветрами и выбеленной солнцем скалы. Он больше не замечал жары и боли в лапах, он вглядывался в разыгрывающуюся внизу сцену.

Около сотни птероящеров сгрудились вокруг животного. Животное было гигантских размеров, не меньше самого Крауна. Но совсем иное. Его пятнистый зеленовато-коричневый мех был покрыт чем-то сухим и белесым, как пыль. Голова его довольно мала, на ней выделялись большие пластины двух направленных вперед глаз. Сильные острые зубы. Четыре ноги. Впрочем, для передвижения, по-видимому, служили только две из них, поскольку передние конечности выглядели иначе, чем задние: они были длиннее, тоньше, а лапы казались даже гибче, чем передние лапы самого Крауна.

«Оно напоминает медведя, древнего медведя-кадьяка».

«Да, но передние лапы скорее похожи на обезьяньи, а не на медвежьи».

Оно было еще живое. Повалившись на спину, животное едва шевелило задними лапами. Глазные пластины его были почти неподвижны, но рот кривился от боли и ужаса, когда оно выпускало когти на передних лапах, пытаясь отогнать подбирающихся к нему стервятников.

«Это ужасно! Направьте дополнительные камеры на этот экран. Таких животных еще никто не видел».

«О таких даже сообщений не было. Мы открыли новый... О нет!»

Краун напряг мускулы и зарычал, разгоняя птероящеров. Они испуганно взмыли в воздух, подняв невероятный шум криками и хлопаньем крыльев. Когда они устремились вы-

соко в небо, Краун прорычал еще раз им на прощание.

Потом повернулся и прыгнул к горлу поверженной обезьяны.

«О господи!»

«Джефф... как ты можешь?!»

Обезьяна была слишком слаба, чтобы защищаться. Краун набивал брюхо до тех пор, пока высоко над его головой, шумно негодуя, снова не появились птероящеры. Они, однако, выжидали, пока он уйдет, прежде чем наброситься на остатки.

Наконец, торжествуя зарывав, Краун оставил окровавленную тушу и продолжил свой путь по каменистой пустыне.

День клонился к вечеру, когда он добрался до еще одной холмистой местности. Таких крутых и скалистых холмов, как здесь, Крауну видеть не приходилось. Каменистые подножия были исполосованы узкими руслами ручьев, которые долгие годы без устали точили камень. Выше, примерно с середины суровых склонов, чудом удерживаясь на камнях, росли кустарники и трава, ближе к вершинам – деревья. Самые же вершины покрывал густой красивый лес; кроны его деревьев ритмично раскачивались на ветру.

Краун даже замурлыкал от удовольствия. Не важно, что склоны круты и карабкаться на них трудно, зато как хорошо, выбравшись из каменной пустыни, попасть в прохладу леса.

По мере того как он приближался к вершине холма, карабкаясь по-кошачьи, прыгая со скалы на скалу, его уши на-

стораживались. Там было что-то непонятное. Глухой, гудящий звук, повторяющийся снова и снова. Краун никогда не слышал ничего подобного, Он ощетинился. Он не то, чтобы чувствовал страх – волкотам неведомо это чувство. Просто ощущение неизвестного вздыбило его мех, он оскалил зубы и исторг глухое рычание.

Ближе к вершине холма идти стало легче. Прохладная влажная трава нежно ласкала его обожженные лапы. Но странный, тревожащий звук был слышен и здесь, даже громче, заглушая мягкий голос ветра: ссс-врууум... сссвррууумм! А теперь еще ветер доносил вместе с ним струи странного, незнакомого Крауну запаха.

Почти касаясь животом земли, прижав уши, оскалившись, Краун крадучись пробирался по траве и кустарнику, осторожно, беззвучно, как тень – трехтонная тень, вдруг оказавшаяся лицом к лицу с...

Вдруг Краун рассмеялся про себя. Напряженные мускулы расслабились. Он сел и уставился на пляж, что расстилался внизу, под крутым склоном холмов. Тут он и увидел прибор, выроставший из океана и обрушивавшийся на песок с длинным, медленным, могучим *сссс-вррруууууммм!*

Краун никогда прежде не видел океана. И Джефф тоже. Он просто сидел возле толстого сучковатого ствола дерева и смотрел, как серо-голубая вода собирается с силами, волной вздымается выше и выше, двигаясь по направлению к берегу – быстрее, быстрее, закручивает белый гребень пены на

вершине, и *врриуум!* С грохочущим дрожащим ревом волна разваливается и взбегаёт на песчаный пляж уже не опаснее пены, а в это время новая волна уже готовит вдали от берега свой горб.

Наконец Краун поднялся и по отлогому склону затрусил вниз, на пляж. Он направился прямо к воде, оставляя в песке глубокие отпечатки лап. Наклонив огромную голову, он принюхался к воде, которая бурлила водоворотами между его ногами. Так вот откуда шел странный запах. Соль.

В прохладном бризе ощущался резкий привкус этого нового запаха. Но запахов пищи не было. Краун знал, что выше по холмам, в лесу, пища должна быть. Правда, возможно, там есть и другие волкоты. Но с этим можно подождать.

«Лагерь находится на этом пляже, километрах в четырех севернее».

Легкой рысью Краун направился на север по песчаному берегу. Время от времени он бросался в прибой и бурно плескался в нем, как ребенок, шлепая лапами по воде и вздымая огромные фонтаны брызг.

«Он играет!»

«Он же впервые попал на пляж».

«Ради всего святого... у нас такая серьезная работа, а он играет».

«Не будьте занудой!»

Краун наконец добрался до лагеря. Он почуял его задолго до того, как увидел: прогорклые, едкие запахи масла, стран-

ные новые запахи, от которых он наморщил нос.

Выглядел лагерь и того хуже. На длинном изогнутом участке пляжа были разбросаны сотни металлических блоков машин. У одних были гусеницы и бульдозерные ножи, у других – колеса. Стояли на берегу и громоздкие прямоугольные формы, хаотично покосившись там, где песок просел под их тяжестью. В глубине, дальше от воды, раскинулся огромный пластиковый купол, такой большой, что в нем могли бы уместиться человек сто. Но теперь на этом когда-то белом куполе зияли рваные дыры и виднелись потеки черной, как сажа, смазки.

Краун подошел к машинам поближе и даже обнюхал некоторые из них. Мертвы. И пищи здесь нет. Тусклая поверхность металла была покрыта пятнами ржавчины.

«А ведь считалось, что этот материал не подвержен коррозии».

«Только не в таком воздухе, как там, на поверхности».

Опасности здесь нет, решил Краун. До него еще не дошло, что машинное зловоние может перебить запах змеи или даже другого волкота. Но так или иначе пищи здесь не было, и Краун поднял взгляд к лесу, покрывавшему вершины холмов. Солнце садилось, и тени деревьев манили к себе.

«Полагаю, он не забредет слишком далеко. Кончаем. Снижайте контакт».

Аманда Корли всматривалась в экраны и приборы на панели управления. Нахмурившись, она мягко тронула

несколько кнопок на клавиатуре.

Она слегка повернула кресло и взглянула на Джеффа, спокойно лежавшего на ложе. На его голове красовался серебристый шлем, к манжетам на запястьях и лодыжках тянулись провода.

– Ну, что там? – спросил Верни Карбо. Он стоял в дальнем конце длинной, во всю стену, панели управления.

Аманда прищелкнула языком.

– Он не отключается... как будто... почти...

– Что такое? – Карбо несколькими быстрыми, нервными шагами подскочил к ее креслу.

– Как будто он *не хочет* отключаться.

Аманда не спускала глаз с Джеффа. По сонному Лицу мальчика блуждала улыбка.

– Выключай, – сказал Карбо. – Снимаем питание и отсоединяемся.

– Но он не реагирует на наши команды. Раньше он всегда сам выходил из контакта, прежде чем мы снимали питание.

Карбо взглянул на Джеффа.

– Ему не будет больно. Снимай питание помедленнее. Он выйдет из контакта прежде, чем мы полностью отключимся.

– Я не знаю...

– Это не повредит ему, даже если он не будет помогать нам.

Аманда едва заметно покачала головой. Лишь хорошо знающий ее человек, такой, как Карбо, мог вообще уловить

это движение: «Дай-то бог...»

Она задала с клавиатуры требуемый режим и перевела взгляд на мальчика. Джефф слегка шевельнулся. Он протяжно вздохнул, почти застонал, и Аманда вдруг почувствовала, что и сама она задерживает дыхание.

Джефф открыл глаза и увидел над собой изогнутый металлический потолок лаборатории. Ни неба. Ни ветра. Ни океана, ни рокочущего приборья. Только гудение электронных приборов и пресный металлический запах корабля, перекрываемый острым запахом антисептиков.

В поле зрения появилось лицо доктора Карбо.

– Как самочувствие?

Джефф моргнул.

– Нормально...

Улыбаясь, подошла Аманда, начала отстегивать манжеты на его руках и ногах.

– Ты, должно быть, устал? Трудный выдался денек, а?

– Ух... да, пожалуй, устал, – Джефф почувствовал, как кто-то – доктор Карбо, конечно, – снял шлем с его головы. Кожа на голове чесалась... нет, даже горела.

– Минутку, – мягко сказала Аманда. – Пока не надо садиться.

Она ненадолго пропала из поля зрения. «Интересно, что-то там без меня подделывает Краун?»

Вернулась Аманда с наполненной оранжевой жидкостью пластмассовой чашкой.

– Вот, выпей-ка, – сказала она. – Хорошо восстанавливает силы. Лежать целый день на этом ложе – тяжелая работа.

Он улыбнулся ей и отхлебнул.

– Пей до конца. Ужина это тебе не испортит.

Джефф сел и свесил ноги с ложа. Аманда стояла прямо перед ним. Она улыбалась, положив руку ему на плечо. Доктор Карбо склонился над одним из пультов панели управления, наблюдая за вращением бобин с лентами данных.

– Который час? – спросил Джефф.

Аманда взглянула на запястье.

– Пять минут седьмого.

«Скоро закат».

– Я провожу тебя до дому, – сказала Аманда.

– Я и сам могу, – сказал Джефф, но не очень уверенно.

– Ничего... я ведь живу недалеко от вас.

– Половину «Деревни» надо пройти, – возразил Джефф.

– А мне нравится гулять, – смеясь, поддержала игру она. – Пойдем. Ты уже способен на прогулку?

– Конечно, – с радостью согласился Джефф.

Обед проходил спокойно и неторопливо. Джефф обнаружил, что он не очень голоден. Мать взволнованно следила за ним, и отец, казалось, изучал каждое его движение, а он нехотя ковырялся в тарелке.

– Ты не доел бифштекс, мой мальчик, – сказала мать, когда Джефф отодвинул тарелку. – Я приготовила его специально для тебя.

– Только пяти семьям в неделю полагается бифштекс, – строго сказал доктор Холмен.

– Я не особенно голоден... Наверное, они накормили меня, пока я был на ложе.

Джефф потер ранку на сгибе руки.

– Конечно, накормили, – возмущенно воскликнул отец. – Солями и сахаром. А тебе нужен белок.

– Меня перекормили, – сказал Джефф. – Сыт по горло.

– Пока не доешь, не получишь сладкого.

– И не надо, – быстро согласился он. – Я в самом деле сыт.

Честное слово.

Брови доктора Холмена полезли вверх, как бы вопрошая: ну что делать с этим мальчишкой?

Вслух он сказал:

– Отлично. Тогда отправляйся в гимнастический зал и по крайней мере два часа посвяти упражнениям.

– Что-о?

– Приказ врачей. Сам доктор Карбо сказал мне об этом, когда я заглянул проведать тебя. Нельзя целый день проводить на ложе и не заниматься гимнастикой.

– Но я устал!

– Умственно – возможно, но не физически. Отправляйся в зал. На два часа.

И не так ужасно это оказалось.

Там уже прыгали на большом батуте Лаура и несколько других ребят. Но, заметив Джеффа, она спустилась к нему.

И они поиграли в бадминтон в секции зала с нулевым притяжением, летая друг над другом, забрасывая волан то под сетку, то над сеткой, которая висела на середине корта. Они играли до тех пор, пока не кончилось топливо в их ракетных поясах, а потом, смеясь и с трудом переводя дыхание, спустили лестницу на пол гимнастического зала с его обычным земным притяжением.

К этому времени зал заполнился мальчишками и девчонками, и они затеяли игру в «гигантский волейбол». Перед игроками стояли три задачи: набрать как можно больше очков, над сеткой играть по возможности резко и, наконец, во время подачи стараться забросить мяч в секцию с нулевым притяжением. Все корчились от смеха, когда мяч влетал туда и начинал бешено крутиться вокруг сетки.

Но вот прозвучал звонок, извещавший о том, что им пора покинуть зал. Пришло время взрослым пытаться делать из себя атлетов.

Джефф проводил Лауру домой: их дома-шары располагались по соседству.

– Я сегодня разговаривала с Аmandой, – сказала Лаура, когда они шли по длинной зеленой аллее.

– О контакте с животными?

Лаура кивнула.

– Мы виделись в кафетерии. У нее не было ни минуты свободной. Она и думать не хочет расстаться с тобой.

Джефф почувствовал, что краснеет. Хорошо хоть, что

здесь достаточно темно, может, Лаура и не заметит.

– А-а... Ну и что она сказала? О тебе, конечно.

– Что собирается поговорить с доктором Карбо. Сказала, что не видит, почему бы и девочкам не делать того же, что делают мальчики. Но именно сейчас, сказала она, они внимательно тебя наблюдают, чтобы удостовериться, что контакт с животными не причинит вреда тем, кто этим занимается.

– Резонно, – заметил Джефф.

– Если ты можешь это делать, я тоже сумею, – возразила Лаура.

Джефф кивнул.

– Согласен.

У Лауры вытянулось лицо: она, видно, надеялась получить в свои руки нужные доводы и приготовилась к спору.

Когда Джефф вернулся домой, отец с выжидательным видом сидел в гостиной.

– Привет, – сказал Джефф, закрывая за собой дверь.

– Здравствуй, – ответил доктор Холмен. Мамы в комнате не было. – Как твои успехи?

– Нормально. Устал немного.

– Не присядешь ли на минутку?

Машинально Джефф выбрал софу, сел напротив отца, расположившегося в виброкресле.

– Сегодня вечером я разговаривал с доктором Карбо.

Джефф промолчал.

– Верни сказал, что ты... гм... ну, как бы послушался при-

каза сегодня днем, – продолжал доктор Холмен. – А может быть, это было утром. Во всяком случае, ты позволил зверю сойти с дороги, которая вела в лагерь...

– Он был голоден. Умирал с голоду.

– Но тебе же надлежало...

– Краун не машина. Если он не поест, он не будет способен ни на что. И он же дошел до лагеря... после того, как поел.

– Ты разрешил ему убить беспомощное животное...

– Он убил, чтобы насытиться! Эта обезьяна, или медведь, или как там его назвать – оно же умирало. Стервятники уже готовы были разорвать его на части, а Краун был голоден.

Доктор Холмен закусил губу, на щеках его запрыгали желваки.

– А ты не подумал, что эта обезьяна, это животное, или что-то там еще, что оно могло быть разумным?

– Разумным?..

– Не таким, как мы, конечно. На этой планете нет ни городов, ни деревень. Но быть может, это вроде наших далеких предков на Земле – разумное животное, от которого пойдет раса цивилизованных существ.

– Мне это в голову не приходило. Краун... он был такой голодный...

– Не о пустом брюхе животного следует заботиться, Джефф, у тебя задачи поважнее.

– Краун – вовсе и не животное! – выпалил Джефф, сам

удивляясь внезапно возникшему гневу.

– Что?!

– Он... Нет, с ним так нельзя. Он наш единственный помощник там, на поверхности, разве не так? Сколько усилий стоил один этот зонд у него в мозгу! Он один-единственный на планете, с кем удалось вступить в контакт. Нельзя же его выжать как тряпку какую-нибудь, а потом выбросить!

– Да, разумеется... но все-таки это только животное, Джефф. Еще немного, и мы вживим зонды в мозг другим животным. Этот зверь – всего лишь первый.

– Краун – не только просто животное. Он – наш помощник, и один-единственный там, на планете, – горячо настаивал Джефф.

А внутренний голос ему шептал: «Он – это я!»

6

Боль! Она была такой сильной, такой невыносимой, словно раскаленные ножи вонзились в его внутренности, и Джефф чуть не сорвался с ложа, чуть не оборвал провода и манжеты, подсоединенные к его телу.

Аманда увидела, как на панели управления индикаторы всех измерительных приборов вспыхнули красным, сигнализируя перегрузку. Доктор Карбо застыл на полпути между креслом Аманды и ложем, где корчился и громко стонал Джефф.

Краун лежал на животе, истекая кровью.

Его правая передняя нога кровоточила, пылала и пульсировала от боли. Все тело было покрыто глубокими ранами, особенно спина. От нестерпимой боли он почти терял сознание.

С вершины холма, расположенного прямо над лагерем, из-за деревьев раздавался предостерегающий рев старого волкота. Краун попытался охотиться на его территории. Старый вожак и четверо молодых волкотов безжалостно набросились на Крауна. Отчаявшись от голода, Краун дал отпор. Но силы были слишком неравны. У них не было намерения убить его – они просто хотели отогнать его от собственно-го источника существования. Отогнать Крауна оказалось не так-то легко. Когда он наконец сдался, он был полумертв.

И вот он лежал возле скрюченных останков машин на берегу океана, задыхаясь, кровь медленно впитывалась в песок.

«Избавь его от этого, Берни! Нельзя допускать такую перегрузку!»

«Без паники, он справляется. Индикаторы уже зеленеют... видишь?»

«Нельзя ли как-нибудь заблокировать болевые ощущения?»

«Нет. Даже если бы мы могли, ничего хорошего из этого не получилось бы».

Краун зарычал. С трудом поднялся на ноги. Прихрамывая, стая от боли, с кровоточащими ранами, он шел по покинутому лагерю среди диковинных машин и похожих на коробки зданий. Странные, злые запахи. Мертвые предметы, предметы, которые никогда не были живыми. Но совсем непохожие на скалы или песок. Эти металлические сооружения были совершенно чужды Крауну. И все-таки что-то в них было... едва различимое. Что-то такое... запах живого, еле слышный и ни на что не похожий. Краун, шатаясь, сделал несколько шагов по песку и рухнул возле полуразвалившегося трактора.

Голова у него пошла кругом, все поплыло перед глазами. Но, несмотря на это, он ощущал запах пищи. Пища когда-то тут была. И еще обязательно будет. Дело только в том, когда. Может, даже Краун к тому времени еще не умрет с голоду,

не умрет от усталости или от потери крови.

– Я же сказал – отключай его! – повторил доктор Карбо.

Аманда смотрела на него широко открытыми глазами.

– Он не реагирует... Совсем не реагирует.

Карбо обернулся к ложу, на котором беспокойно лежал Джефф. Тело мальчика медленно изгибалось, рот был открыт.

– Нет... Нет... – едва слышно выдохнул он.

Аманда с тревогой заметила:

– Он не хочет выходить из контакта.

В ее дрожащем голосе звучал испуг.

Берни почувствовал, как его лоб покрылся потом.

– Черт возьми! Только его силой воли и поддерживается жизнь в этом животном.

– Но боль способна убить Джеффа, – возразила Аманда.

– Нет... Вряд ли...

– Смотри! – вскрикнула Аманда.

На контрольных приборах все показатели – пульс, частота дыхания, электрическая активность мозга – снова полезли вверх.

– Что-то стимулирует животное.

– Но Джефф...

– Следите за экраном, – сказал Карбо.

Краун, преодолевая боль, сосредоточенно вглядывался в берег.

Запах стал сильнее и с каждой минутой усиливался. При-

ближалось что-то живое. Пища.

Краун затаился. Напряг онемевшие, окаменевшие от боли мышцы. Передняя лапа продолжала кровоточить, но кровь почти свернулась и уже не лилась, как прежде, а медленно капала. И по всему телу Крауна вместе с болью от ран растекалось чувство нестерпимого голода.

С моря потянуло ветерком. Ветер пригнал с собой студеную мешанину дождя со снегом, а снег Крауну довелось увидеть впервые. Но он не удостоил его своим вниманием. Стояло раннее утро, и Альтаир еще не поднялся настолько, чтобы разогнать туман и морозящий дождь, висевшие над океаном.

И тут Краун их увидел. Обезьяны, вроде той, что он нашел в пустыне и отвоевал у стервятников.

Эти обезьяны, однако, выглядели здоровыми и сильными. Их было трое, они осторожно крались дальним концом лагеря на всех четырех лапах.

«Семья: отец, мать, детеныш».

«Хорошенький детеныш, ростом со здорового регбиста».

Не двигаясь, затаив дыхание, Краун выжидал, когда они подойдут поближе, на дистанцию прыжка. Нужно достать самого большого из них. В первую очередь самого большого, одним мгновенным выпадом. Тогда остальные убегут. А если даже не убегут, без вожака с ними будет легче справиться.

«Берни, он собирается убить их!»

«Что-что? О чем ты?»

«Волкот-Джефф... Он собирается убить обезьян, Чтобы съесть».

«Этого нельзя допустить. Холмен, Полчек и остальные намерены изучать обезьян. Они были вне себя от гнева, когда он убил ту, первую, в пустыне».

«Но именно это он и собирается сделать!»

«Придется остановить его».

«Каким образом?»

«Выключаемся. Возвращаем Джеффа сюда и будим его».

«Мы не успеем. И это все равно не поможет. Волкот в конце концов сделает это сам. Он же голоден».

«Вот скотина! Нельзя допустить, чтобы это случилось».

«Мы не можем этому помешать».

Обезьяны подходили ближе. В дальних закоулках сознания Краун любопытствовал, как они попали сюда, на пляж, почему пробирались лагерем. Может быть, они часто приходят сюда? Это их тропа или часть принадлежащей им территории?

Самец был велик, крупнее самого Крауна – огромная гора темно-рыжего меха, увенчанная тяжелым круглым черепом с костными гребнями над глазными впадинами. Он шел спокойно. Ветер уносил запах Крауна прочь, и самец, казалось, был озабочен лишь тем, чтобы провести свою самку и детеныша через чужой лагерь.

Сквозь морозящую взвесь из дождя и снега Краун разгля-

дел на задних лапах самца загнутые когти. На передних их не было. Зубы казались большими и сильными, хотя и не шли ни в какое сравнение с зубами самого Крауна.

Напрягая все мускулы, дрожа от голода и тлеющей внутри боли, Краун ждал, ждал, ждал... и наконец прыгнул.

С рычанием он бросился прямо на грудь ошеломленному самцу и разодрал его горло, прежде чем оба свалились на песок. Падая, самец издал какой-то булькающий звук, после чего замолк и обмяк. Краун поднялся на ноги и вздрогнул от боли, нечаянно наступив на раненую переднюю лапу.

В десятке метров от него, оскалившись, ворчала самка. В поднятой над головой передней лапе она держала зазубренную металлическую палку.

«Ты только посмотри!»

«Она оторвала кусок трубы от трактора!»

«Чтобы обороняться!»

Детеныш стоял на четвереньках позади матери. Краун зарычал, возвышаясь над мертвым самцом. Самка не нападала; рыча и сверкая глазами, она оставалась на месте, держа металлическую трубу над головой.

Какое-то мгновение животные не шевелились. Краун получил свою добычу и не намеревался больше убивать. Обезьяна-самка видела, что самец мертв, но детеныш был жив. Она медленно отступила, неуклюже передвигаясь на задних лапах и держась подальше от Крауна. Детеныш засеменял за ней, стараясь двигаться так, чтобы между ним и Крауном все

время оставалась мать.

Наконец обезьяна бросила трубу, опустилась на четвереньки и рысью побежала прочь. Краун видел, как она описала широкую дугу вокруг места, где Он стоял, а затем двинулась дальше вдоль пляжа, придерживаясь того же направления, в котором они двигались с самого начала. На юг. Все это время детеныш бежал рядом, с той стороны, которая была дальше от Крауна.

Краун еще раз зарычал и принялся за еду.

«Ну все. Возвращай Джеффа. Сейчас же!»

Джефф открыл глаза. Веки слипались, как после долгого сна.

Он поморгал на потолочные панели с мягко светящимися квадратами плафонов. Какое-то мгновение он не осознавал, где находится.

«Вновь на корабле».

– Краун, – начал он, но из горла вырвалось лишь какое-то карканье.

Над ним склонился Карбо. Он пристально вглядывался в Джеффа – лицо доктора потемнело и напряглось от беспокойства.

– Все хорошо, Джефф, – сказал он. – Ты в безопасности.

– А Краун?.. Он остался там один...

– Ничего с ним не случится. Не беспокойся.

В поле зрения появилась Аманда. Лицо ее сияло улыбкой, но в глазах сквозило беспокойство.

– Как ты себя чувствуешь, Джефф?

– Прекрасно.

Они начали отсоединять шлем и манжеты.

– Краун остался там один, – вновь произнес Джефф.

Доктор Карбо собрался было ответить, но тут рассмеялась

Аманда.

– В чем дело? – сказала она. – Боишься, что твоя кошечка не проживет сама по себе нескольких часов?

– Он так ужасно ранен...

– Поправится. Мы ему все равно помочь не можем. И он ведь достаточно силен, чтобы прокормиться, а?

Джефф невольно кивнул.

– Верно.

– Ну ладно, поднимайся-ка и хоть чуть-чуть разомни руки-ноги.

Джефф медленно сел. Затем спустил ноги, поддерживаемый с одной стороны Амандой и с другой – доктором Карбо, и наконец твердо встал на пластиковые квадраты пола.

– Аманда, – сказал доктор Карбо, – проводи его в лазарет. Мне нужны результаты стандартного физиологического обследования в полном объеме.

– Хорошо, – ответила она. Затем обратилась к Джеффу: – Ну что ж, усмиритель львов, пойдем, я угощу тебя специальным коктейлем «Хозяина медицины», если обещаешь хорошо себя вести.

Джефф невесело посмотрел на нее. Она рассмеялась.

– Ладно, ладно, я пошутила.

Они прошли коридором к «Хозяину медицины» – мерцающей металлической панели, занимающей метров двадцать стены коридора прямо перед дверями лазарета. Аманда приложила ладонь к пластине активатора, и датчики управляемого компьютером устройства тут же зафиксировали отпечаток ее руки для опознания. Оранжевая контрольная лампа мигнула и загорелась зеленым светом.

В который раз Джеффа заворожил переход цвета кожи на руках Аманды: розовая на ладони, на тыльной стороне кожа становилась дымчато-черной.

Она что-то говорила компьютеру – мозгу «Хозяина медицины». Машина щелкнула, загудела, вспыхнуло несколько лампочек, наконец открылась маленькая панель, и за ней показалась пластмассовая чашка, наполненная бледно-желтой жидкостью.

Аманда взяла чашку и протянула Джеффу.

– Ваш утренний коктейль, – торжественно сказала она.

Он принял чашку, поднял ее к груди, как бы провозглашая тост в честь прекрасной дамы, потом залпом выпил. На вкус питье было почти приятным.

– Тебе бы теперь камин, чтобы запустить в него бокалом, – сказала Аманда.

– Мне бы что?..

– Камин. Это старинный обычай, обычай давно ушедших веков. А тебе и в самом деле следует читать побольше.

Джефф кивнул с серьезным видом.

– Я постараюсь. – Ему вдруг пришло в голову, что, услышь он такое от кого-нибудь другого, он не на шутку рассердился бы. Но не на Аманду же, на нее он вообще сердиться не мог.

– Как хорошо, что мы работаем вместе, – сказал Джефф, вряд ли подумав о том, что он собирается сказать.

Аманда удивленно взглянула.

– Мы? Всю работу делаешь ты. А я просто сижу там да тревожусь за тебя. Ну, пойдем в эту долину вампиров.

Она распахнула дверь, и Джефф проследовал за ней в лазарет. Но он совсем не думал об ожидающих его анализах крови, флуоресцентных красителях и прочих докторских иглах. Он думал:

«Она тревожится за меня. Она действительно тревожится ее меня».

На следующее утро, когда Джефф не спеша одолевал завтрак из эрзац-яиц, соевого мяса и фруктового концентрата, к его откидному столику, подвешенному возле кухонной ниши подсел отец.

– Сегодня ты не пойдешь в контактную лабораторию, – уверенным, не допускающим возражения голосом сказал доктор Холмен.

– Почему?

– Мы с Карбо хотим обсудить положение дел и наметить планы на следующую фазу работы. Я созвал совещание, на нем будут все руководители отделов.

– Но Краун...

– Этот зверь один денек и сам о себе прекрасно позаботится. Я хочу, чтобы ты был на совещании.

– Я? – вытаращил глаза Джефф. – С руководителями отделов?

Заметив его удивление, отец улыбнулся.

– Ты не менее важен в этой работе, чем любой из них. А может, и более.

Джефф закончил завтрак и пошел к себе в комнату. Порывшись минут пятнадцать на антресолях, он наконец нашел свой фотоаппарат. Запихнул его в карман, качнулся на дверце и спустился на пол. Дверца захлопнулась.

Зажужжал сигнал связи. Джефф щелкнул выключателем возле кровати, и на стенном экране появилось лицо Лауры.

– Мама сказала, что ты приглашен на совещание руководителей отделов! – Она была возбуждена и очень довольна, пожалуй, не меньше самого Джеффа.

– Да, – ответил он, скользнув на кровать и полулежа.

– Она хочет попытаться добиться от твоего отца и доктора Карбо разрешения и другим ребятам попробовать войти в контакт. И мне тоже!

– Здорово, – улыбнулся ей Джефф.

Однако, пока он разговаривал с Лаурой, его рука нащупывала в кармане фотоаппарат. Он оказался там потому, что у Джеффа возникло непреодолимое желание запечатлеть на пленку Аманду Корли.

Аманды на совещании по было.

Джефф вошел в конференц-зал вместе с отцом и огляделся. Стол был круглый, так что никто не мог занять место «во главе стола» и тем самым обозначить свое превосходство. Общая ответственность за миссию корабля была возложена на доктора Холмена, это знали все. Но собравшиеся здесь мужчины и женщины не были его подчиненными; все они, включая самого доктора Холмена, старались действовать как можно демократичнее.

Когда Джефф с отцом вошли, мать Лауры, Анна Полчек, уже сидела за столом. Она отвечала за биологическую группу. Рядом с нею сидел отец Лауры, Джон Полчек, возглав-

лявший конструкторскую группу. Мать Джеффа была учительницей, и хорошей учительницей, но не руководителем отдела.

Вошел доктор Карбо. Он выглядел сосредоточенным и слегка не в себе. Вместе с ним пришел доктор Шеллинге, руководитель медицинской группы. Всего за столом собрались восемнадцать взрослых, представлявших различные научные группы «Деревни». И еще Джефф.

Открыл совещание доктор Холмен.

– На мой взгляд, работа Берни Карбо за последние несколько недель обнаружила достаточно широкие перспективы, и нам пора обсудить, куда двигаться дальше.

«Работа Берни Карбо? – Джефф слегка обеспокоился. – Это ведь и меня касается».

– Дела и в самом деле неплохи, – согласился Карбо. Он сидел почти напротив Джеффа. Глядя прямо на него, даже позволив себе улыбнуться, Карбо продолжал: – Присутствующий здесь наш юный друг достиг прочного контакта с экспериментальным животным и продемонстрировал такую степень контроля над зверем, которая превзошла самые смелые ожидания. Я полагаю, что правильность нашей основной идеи им доказана.

– В таком случае можно использовать большее количество животных там, на планете, – сказала Анна Полчек.

– Конечно.

– Очень хорошо, – сказал доктор Холмен, потрянув своей

золотистой гривой и слегка повысив тон, чтобы вновь взять ход совещания в свои руки. – Мне кажется, что теперь мы должны решить, сколько и каких животных использовать.

– Но наша истинная цель, – возразил Джон Полчек, – состоит в том, чтобы привести в порядок лагерь и начать преобразование атмосферы планеты, чтобы мы на ней могли дышать.

– Да, да, – быстро сказал отец Джеффа. – Однако мы уже пришли к выводу о том, что для этого потребуется помощь управляемых людьми животных. Так что в первую очередь надо определить, сколько и каких животных.

– А также, кто будет ими управлять, – добавила Анна Полчек.

– Всем известно, что никто из нас на это не способен, – сказал один из ученых постарше. – Это работа для детей.

– Но их же понадобятся десятки, – пробормотал кто-то.

– Это и в самом деле безопасно?

– Я не уверен, что захочу, чтобы *мои* дети занимались этим.

Берни Карбо стукнул по столу раскрытой ладонью. Перепадка сразу прекратилась.

– Если нужны точные данные, – сказал он ледяным тоном, – я могу представить их вам хоть на этом стенном экране. После первого же контакта состояние нашего единственного испытываемого анализировалось почти ежедневно. Физически он сейчас в лучшей форме, чем когда мы начинали,

главным образом благодаря назначенной ему программе атлетических упражнений, которая компенсирует многочасовое отсутствие двигательной активности во время сеансов...

– Отсутствие двигательной активности... Если хотите знать, что это такое, – сказал один из мужчин с проседью в волосах, – вам следует посмотреть на моего отпрыска. Валяется целыми днями, как проклятый, в своей комнате!

Все рассмеялись. Кроме Джеффа и доктора Карбо.

– Испытуемый подвергался также обширным психологическим проверкам.

«Испытуемый. Это я, – думал Джефф. – Почему он не называет меня по имени? Я же здесь, прямо перед ним».

– У испытуемого отмечена тенденция к почти полному отождествлению себя с экспериментальным животным, – продолжал Карбо. – В его восприятии он и является этим животным, что особенно сказывается в стрессовых ситуациях. С этим, однако, можно успешно справиться при помощи химиотерапии и сеансов приспособления.

– Вы хотите сказать, что он не подвергается никакой опасности?

Карбо повернулся к Джеффу.

– Мальчик, собственно, здесь... Спросите у него сами.

– Выглядит он крепким и здоровым.

– Он и в самом деле такой. Покрепче некоторых из нас, – съязвил Карбо.

Большинство присутствующих рассмеялись.

Джефф вдруг почувствовал глубочайшее разочарование. Он намеревался рассказать им, что это такое – быть в контакте с Крауном, как выглядит поверхность Альтаира-6, какие там леса, океан, о том, как трудно Крауну добывать пищу на территориях других волкотов. Но их это явно не интересовало. Им вполне достаточно оказалось слов Карбо и того факта, что Джефф сидел среди них, демонстрируя открытые глаза и нормальное дыхание. «Им нет дела до Крауна, их беспокоят только собственные проблемы».

– А что можно сказать относительно этих обезьяноподобных животных? – спрашивал доктор Холмен. – Возможно, из них получатся лучшие помощники, чем из волкотов.

Началось длительное обсуждение, в котором приняли участие почти все присутствующие. Доктор Карбо показывал на стенном экране видеозаписи с изображением обезьян, особенно той, которая вооружилась металлической трубой. Во время демонстрации этих лент слышались вздохи и бормотание ученых, в котором можно было разобрать часто повторявшиеся слова: «противоречивые значения», «использование инструментов», «протоинтеллект».

– Нам определенно следует использовать обезьян, – сказал Джон Полчек, когда лента кончилась и экран потемнел.

– Для начала нужно по меньшей мере пять или шесть особей, потом еще больше.

– Не торопитесь с выводами, – сказала Анна Полчек. – Откуда взялись эти животные? И куда они направлялись, про-

ходя по пляжу? Очевидно, они живут не на этом пляже.

– Возможно, они мигрируют. Сейчас на планете время сезонных изменений, – сказал метеоролог. – В северном полушарии наступает зима.

– А кроме того, мы не знаем, чем питаются эти обезьяны, – продолжала миссис Полчек, – и вообще, можно ли ими управлять.

– Мы можем определить это, – сказал доктор Холмен. – Судя по их зубам, они по крайней мере изредка едят мясо. Вы согласны?

– Да.

– Ну, так можно использовать волкота или несколько волкотов при необходимости чтобы добывать для них пищу.

– Или изготавливать пищу прямо здесь, – сказала биохимик, молодая блондинка. – Мы можем производить белки и другие компоненты пищи для них в лабораториях, надо только знать химический состав их природной пищи.

– Я не уверен, что мы сможем настолько хорошо управлять ими, что они станут есть искусственную пищу, – сказал Берни Карбо.

Дискуссия продолжалась. Внимание Джеффа рассеивалось, он сосредоточивался только на мгновения, когда речь заходила о волкотах.

Прошло несколько часов, прежде чем ученые наконец договорились высадить на поверхность планеты специальную группу людей, которые должны обездвигить несколько обе-

зьян и волкотов, чтобы вживить в их мозг зонды. Одновременно было решено начать подготовку новой группы под-ростков к управлению животными.

– Включая девочек, – настаивала Анна Полчек. – Здесь не должно быть никакой дискриминации.

Отец Джеффа поджал было губы, но затем ответил:

– Пожалуй, вы правы.

Вместо того чтобы пойти домой или поужинать в кафетерии, Джефф направился в лабораторию контактов.

Аманда сидела в маленькой комнатке напротив лаборатории и жевала сандвич.

– Привет, – сказала она, когда он ворвался в кабинет. – Совещание кончилось?

– Да.

– А где Берни?

– Не знаю. Может быть, остался ужинать, – Джефф сунул руку в карман. Фотоаппарат был на месте.

– А ты-то ужинал? – спросила Аманда.

– Нет, э-э... я... – Он не находил слов.

– Держи. – Аманда протянула ему половину своего сандвича.

– Бери стул и садись. Без еды нельзя. Ты думаешь, полное брюхо нужно только твоему большому коту?

Джефф взял стул и покорно сел рядом с Амандой. Чувствуя себя окончательно смущенным, взял предложенную половину сандвича. Он сидел так близко к ней, до него до-

носился даже запах ее духов, и вся эта затея с фотоаппаратом вдруг показалась ему совершенно невыносимой. Как попросить ее? Что сказать?

– Ты почему не ешь? Тебе не нравится, как я готовлю? – Аманда засмеялась.

– Я... – Джефф вдруг соскользнул со стула. – Мне... мне бы попить чего-нибудь. Я... я сейчас.

Аманда удивленно взглянула на него. Джефф повернулся и выскочил из кабинета. Стараясь идти медленно, он проделал путь по зеленым аллеям до самого кафетерия. К тому времени, когда он вернулся, доктор Карбо был уже в лаборатории и о чем-то напряженно говорил с Амандой.

Половинка сэндвича все еще лежала на столе. Джефф сел и заставил себя съесть его. На вкус он был деревянный. Джефф выпил синтетическое молоко, принесенное им из кафетерия. И все это время Карбо и Аманда оставались в лаборатории и, не обращая на него никакого внимания, продолжали свой серьезный разговор.

Покончив с едой, Джефф встал и направился в лабораторию. Когда дверь за ним захлопнулась, доктор Карбо повернулся к нему.

– А, вот и ты. Похоже, нам придется хорошенько потрудиться.

– Да, – только и сказал Джефф.

Потрудиться пришлось здорово.

Дни переходили в недели, недели – в месяцы. И почти все

свое время бодрствования Джефф проводил в лаборатории на ложе, пребывая в теле Крауна, в его мозге. Каждый божий день с утра до ночи он был Крауном. Он был им, когда Краун только просыпался, и оставался им, когда Краун укладывался спать.

Джефф проделывал все это почти автоматически. Он вставал задолго до того, как начинала просыпаться «Деревня», ел, делал зарядку и отправлялся в лабораторию. Аманда была там постоянно, Берни Карбо же большую часть времени отсутствовал. Когда рабочий день кончался, Джефф вместе с Амандой шел домой, снова занимался гимнастикой, ужинал и ложился спать.

И чем однообразнее был его распорядок дня в «Деревне», тем меньше он ощущал свою жизнь на корабле как реальность. Реальной для него стала жизнь Крауна в том мире, который назывался Песней Ветров.

Джефф не мог объяснить, откуда он взял это название. Быть может, оно возникло как-то на закате дня, когда Краун стоял на гребне холма, с которого был виден берег океана. С этого места, если смотреть прямо на воду, человеческий лагерь не был виден. Видны были лишь волнистая линия холмов, обрамленная зеленью, и яркий песок, и океан. Волны набегали на берег, гонимые ветром, и деревья пели под его порывами. Песня Ветров. Черные тучи проносились по небу. Деревья раскачивались, клонились под ветром. Волны с грохотом накатывались на песок.

Песня Ветров.

– Джефф, я начинаю готовиться к контакту! – сказала как-то вечером Лаура. Она на минутку перед сном забежала к нему.

– Хорошо, – без всякого энтузиазма откликнулся Джефф. Но она была так возбуждена, что не заметила его равнодушия.

– Теперь мы будем работать вместе! Теперь я увижу, что собой представляет эта планета... так же, как ты.

Он вымученно улыбнулся. Она продолжала болтать, и Джеффу пришлось сказать ей:

– У меня довольно напряженный распорядок дня, Лаура, и я вымотался окончательно. Извини, но мне пора ложиться.

– О, – воскликнула она несколько удивленно. – Конечно же! И мне, наверное, тоже нужно спать. У меня, вероятно, будет такое же расписание, как и у тебя, верно?

Он кивнул и по возможности вежливо выпроводил ее за дверь.

«Деревня» направила на планету несколько экспедиций, чтобы вживить в мозг обезьян и волкотов радиодатчики.

В первой группе двое исследователей погибли, когда они начали вводить зонд волкоту, который не был достаточно крепко усыплен. Зверь проснулся и разорвал людей на куски, прежде чем кто-либо успел вмешаться. Пришлось убить его из лазерных пистолетов.

Краун видел, как все это произошло. Но сделать он ничего

не мог. Сначала люди перепугались, потом их охватил охотничий азарт, и они в тот день убили трех волкотов, просто взяли и убили. Краун потихоньку убрался из лагеря и держался от него подальше до тех пор, пока люди в странно пахнущих надутых костюмах не скрылись благополучно в своем огнедышащем корабле. Тогда Краун вышел на пляж и проследил за их отлетом. Когда корабль уже исчезал в облачном небе, Краун прорычал ему вслед.

– Какие отвратительные злобные твари! – сказал один из уцелевших доктору Холмену. Он был приглашен к Холменам на обед. Лоб его закрывала напыленная повязка: он разбил голову о внутреннюю поверхность гермошлема, спасаясь от рассвирепевшего волкота, который убил его друзей.

Джефф выждал несколько минут, потом извинился и, не дожидаясь конца трапезы, ушел к себе.

Отец не обратил на этот случай никакого внимания. Однако мать Джеффа стала следить за ним внимательнее.

Все новые и новые экспедиции отправлялись на поверхность планеты. Появлялись новые раненые и убитые.

Один из биологов неосторожно наступил на тонкий чувствительный отросток, выслеживая небольшую семью обезьян в лесу к северу от лагеря на побережье. Прежде чем он успел расчистить путь, усеянные шипами ветви растения в десятке мест пропорол его скафандр. И хотя ядовитые соки растения до него по добрались, насыщенный метаном воздух Песни Ветров сильно обжег ему легкие. Друзья сумели

доставить его в «Деревню» еще живым, но медики только и смогли, что погрузить его в глубокий анабиоз, пока из кусочка его собственных тканей не будут выращены новые легкие.

По прошествии нескольких недель люди установили, что обезьяны и в самом деле мигрируют в это время года, направляясь на юг, чтобы укрыться от надвигающихся зимних холодов и бурь. Волкоты благоденствовали – во многих обезьяньих семьях находились детеныши и старики, слишком слабые для изнурительного путешествия и неспособные защищаться. Здоровые самцы и самки могли позаботиться о себе и о нескольких беспомощных детенышах. Старики же обычно путешествовали в одиночку, а если даже и шли с семейством, то защищаться им приходилось самим, обезьяны помоложе больше занимались защитой собственных детенышей. А против волкотов старики долго продержаться не могли.

Частично потому, что на этом настаивал Джефф, частично из-за того, что рано или поздно это все равно пришлось бы сделать, одна из экспедиций на планету окружила семью волкотов, занимавшую территорию в холмах прямо над береговым лагерем. Всех волкотов удалось усыпить (на сей раз очень крепко), и каждому был вживлен в мозг радиозонд.

Теперь они находились под контролем, и Краун получил наконец возможность бродить по «их» лесам и охотиться там.

Однако его по-прежнему не принимали в их семью. Краун

знал, что по ночам, когда люди предоставляли животных самим себе, он должен покинуть лесистые холмы и спуститься обратно на пляж, который был «его» территорией. И Краун спал среди мертвых машин, в то время как остальные волкоты спали наверху, в холмах, среди деревьев и всякой живности.

Не одна неделя ушла у Джеффа на то, чтобы набраться храбрости и попросить у Аманды разрешения сфотографировать ее. Аппарат он носил с собой каждый день.

Однажды утром, придя в лабораторию, он вдруг выпалил все заранее заготовленные слова.

– Мою фотографию? Зачем?

Джефф понял, что пути к отступлению отрезаны, хотя от смущения был готов просочиться сквозь щель под дверью.

– Ну... – сказал он, пытаясь выкрутиться, – мы же друзья, и каждый день работаем вместе, и... ладно. Мне просто хотелось бы иметь твоё изображение.

Он и сам понимал, как все это нелепо и неубедительно звучит.

Но Аманда только улыбнулась в ответ:

– Конечно, почему бы и нет. И я возьму твоё фото. Почему бы друзьям не обменяться фотографиями, как ты думаешь?

Сердце Джеффа чуть не выпрыгнуло из груди. Нашупывая в кармане фотоаппарат, он взволнованно кивнул:

– Да... это правильно.

8

Проснувшись, Краун обнаружил, что окоченел от холода. Ветер в бешенстве метался по пляжу, наметая горы песка возле строений и машин. Океан был серым и студеным, еще серее было небо. Смутным заревом свет Альтаира пробивался над облачным горизонтом океана.

Ночью прошел снег, темный хрупкий зимний снег. Краун медленно поднялся и отряхнул налипшие снежинки. Откуда-то ему было известно, что, если эти хлопья останутся на нем надолго, они могут проесть мех и обжечь кожу.

Обезьяны еще спали, засыпанные сероватыми хлопьями снега. Краун заворчал, и они моментально вскочили.

Их насчитывалось теперь уже больше десятка, и они спали вповалку под укрытием старого, наполовину завалившегося здания. Крыши на нем не было, одна стена успела обрушиться.

Самая крупная из обезьян села, неловко сложив ноги перед собой. Увидев Крауна, она уставилась на него потемневшими от страха и злобы глазами. Потом вдруг вздрогнула; судорога, словно толчок землетрясения, прокатилась по всему ее телу. Обезьяна засопела, почти захныкала и замотала головой, как бы пытаясь отделаться от жужжащего рядом с ней (или внутри нее) насекомого. И отвернулась от Крауна.

Эта обезьяна была под контролем. Да и все остальные то-

же.

Краун следил, как они медленно собрались вместе и заковыляли на четвереньках к холмам, чтобы подкрепиться поутру корешками, побегами кустарника и маленькими ползучими зверьками. Даже находясь под контролем, обезьяны держались как можно дальше от новых построек.

Внутри этих ярких и блестящих построек работали машины. Машины грохотали и пульсировали, день и ночь от них разносились странные шумы и еще более странные запахи. Хотя новые постройки и были теплыми на ощупь, а ночи становились все холоднее, ни обезьяны, ни Краун по своей воле не подходили к ним близко. Все они располагались на ночлег подальше от гудения машин – насколько позволяли управлявшие ими люди.

Краун понимал, что раз обезьяны находятся под контролем, то и живущая в холмах семья волкотов тоже не избежала этой участи. Поэтому он приступил к своей обычной утренней пробежке вверх по травянистым склонам, мимо мирно жующих обезьян, чтобы присоединиться к семье, которая терпела его, – правда, пока ее члены находились под наблюдением людей.

Пройдя около половины пути вверх по склону, Краун на миг остановился, обернулся и взглянул на лагерь.

Обезьяны уже закончили еду и приступили к работе. Стоя на задних лапах, они подбирали тускло мерцавшие металлические детали и собирали из них новые механизмы и по-

стройки. Движения их были медленными и неуверенными из-за страха, полностью преодолеть который не позволял никакой контроль.

Краун заворчал. Эти непонятные человеческие машины не были живыми, но они, казалось, дышали и бормотали что-то свое, как живые. И что еще ужаснее – становилось все труднее удержаться от сна возле этих новых машин. Несколько дней назад одна из обезьян без всяких видимых причин свалилась и вскоре умерла. Остальные разбежались, но Крауну с его «приемной» семьей волкотов удалось выследить их и рычанием и угрозами пригнать обратно в лагерь. Мертвую обезьяну перед заходом солнца два волкота оттащили подальше.

Краун и сам замечал, что новые машины вызывали у него сонливость и головокружение.

«Это воздух. Машины вырабатывают кислород и азот. Для существ, дышащих метаном, такой воздух не годится».

Краун сердито фыркнул. Даже здесь, почти у гребня холмов, чувствовался сильный запах машин. И с каждым днем он, по-видимому, становился сильнее.

Все утро заняла охота. Теперь Краун охотился уже по одиночку, а вместе с волкотами, живущими на холмах. В семье было восемь взрослых и пятеро детенышей – достаточно больших, чтобы ходить на охоту, но еще слитком молодых, чтобы помогать взрослым. Они только наблюдали и учились.

В лесах еще оставались антилопы, хотя по мере прибли-

жения зимы их становилось все меньше. Волкоты образовывали полукруг с подветренной стороны и посылали двоих самых крупных и опытных самцов осторожно прокрасться по флангу стада. Они исполняли роль загонщиков. Рано или поздно антилопы учуивали запах волкотов и громадными прыжками разбегались от опасности – чтобы попасть в полукруг ожидающих их охотников.

Каждый день волкоты добывали таким способом трех-четыре антилопы. Стадо, казалось, не извлекало никаких уроков из происходящего. Из дня в день повторялось одно и то же, и всякий раз несчастные животные бросались прямо в засаду.

Но с каждым днем стадо убывало. И уходило все дальше на юг. Антилопы, как и обезьяны, в это время года мигрировали. Но шли они медленно. Пока на их пути были трава и кустарники, которыми они питались, животные не торопились.

И все же они устойчиво держали курс на юг, и с каждым днем расстояние до лагеря, которое волкотам приходилось одолевать с убитыми антилопами, все увеличивалось. Часть мяса волкоты съедали, остальное оставляли обезьянам. Но, несмотря на доставляемый волкотами провиант, обезьяны на глазах чахли. С каждым днем они теряли в весе и двигались все медленнее.

В тот день снег впервые выпал до заката солнца. Далеко за полдень черные как сажа хлопья стали падать сквозь лист-

ву деревьев, как раз когда Краун помогал тащить дневной «улов» через подлесок. Он зарычал на снег. Снег убьет траву, и антилопы вынуждены будут идти еще дальше на юг. Уже теперь почти целый день уходил на то, чтобы найти стадо, настигнуть и убить животное и притащить его на берег.

Когда Краун, задыхаясь и ворча от изнеможения, вместе со своей ношей достиг точки, откуда был виден лагерь, он обнаружил двух обезьян, которые лежали на земле. Остальные в каком-то безумии кружили возле своих мертвых сородичей – они не разбегались и не работали. Просто ходили кругами на задних лапах, передними потрясая над головами как бы в ужасе или отчаянии.

Обычно волкоты оставались на вершине холма на опушке леса. Их дело – спустить туши убитых по траве на середину склона холма, который вел к берегу, и оставить их там, а самим вернуться на вершину. Обезьяны поднимались на склон и забирали мясо.

Но тут Краун бросил свою ношу и повернулся к остальным волкотам. Они тоже побросали добычу и устали на лагерь. Казалось, они примерзли к месту, ветер вздыбливал серую шерсть, когти впились в землю, они рычали и повизгивали про себя, словно преодолевая что-то, что творилось в их собственных головах. Затем по одному, очень медленно, неохотно, стали спускаться к лагерю. Мускулы у них судорожно сжимались и разжимались, как будто их одновременно тянули в двух разных направлениях.

Краун принял на себя командование. То рычанием, то подталкиванием он отправил двух волкотов в разные концы лагеря, чтобы обезьяны не разбежались. Потом он подтолкнул двух волкотов помоложе к телам мертвых обезьян.

Сам Краун направился прямо к обезьянам, не обращая внимания даже на то, что в зданиях возле них злобно стучали машины и там было трудно дышать. Грудь защемило, казалось, в ней разгорается пожар. Краун торопливо подхватил зубами и передними лапами одну из обезьян и потащил ее прочь. Два других волкота следили за его действиями, потом взялись за другую обезьяну.

С великим трудом – перед глазами плясали огненные круги – тащил Краун тело мертвой обезьяны вверх по склону, подальше от ненавистных машин.

Было уже темно, когда он сдвинул коробку старого строения, чтобы остальные обезьяны могли устроиться на ночлег. Краун наблюдал, как они сбились в кучу в своем полузаваленном жилище, тесно прижались друг к другу, хныча и жалуюсь.

«Ростом три метра, весят две с половиной тонны каждая, а хнычут как сосунки!»

«Им страшно, Берни. Они напуганы до смерти, Поразительно, что дети справляются с ними».

В этот вечер Джефф пришел домой, чувствуя в себе усталость Крауна и что-то еще, более глубокое. Он не понимал, что это могло быть, но это очень сильно тревожило его.

Мать взглянула на него и сказала:

– Ну, это уж слишком. – Повернувшись к мужу, она добавила: – Питер, с меня довольно. Для Джеффа это непосильный труд. Пора с этим кончать.

– Нет! – одновременно вскричали Джефф и доктор Холмен.

Отец сидел на софе в гостиной, Джефф стоял в дверях, шагах в шести от него. Мать находилась рядом с сыном.

– Мы не имеем права прервать работу, – сказал доктор Холмен. – Слишком хорошо пошло дело.

– Скажи лучше – слишком плохо, – возразил Джефф. – И день ото дня хуже.

– О чем это ты? – удивленно спросил доктор Холмен. – Пойди сюда и сядь рядом. Ты и в самом деле выглядишь усталым. Как ты спал?

Джефф устало проковылял к софе и сел рядом с отцом. Миссис Холмен поставила стул рядом с ними.

– Я спал весь день, – ответил Джефф. – Но Крауну и другим животным... им плохо. И с каждым днем им становится хуже.

– Что случилось сегодня?

Джефф все рассказал им.

Отца это, как видно, совсем не тронуло. Он улыбался, кивал, будто Джефф говорил о том, как сыграла его команда в футбол.

– Понятно, почему ты так расстроен, – заявил он, когда

Джефф кончил. – Ты немного смущен, потому что слишком сильно сблизился с этим животным.

– Но они же умирают! Обезьяны... да и волкоты тоже скоро начнут, если мы...

– Естественно, они умирают, – спокойно заметил доктор Холмен. – Мы начали изменять атмосферу планеты. Мы не можем дышать метаном, а уроженцы этой планеты не могут дышать кислородом. Так что, разумеется, они вымрут.

У миссис Холмен был испуганный вид.

– Как, неужели все? Мы всех убьем?

– Нет, как можно! – воскликнул доктор Холмен. – Только в равнинных районах северного полушария. На будущее у нас еще останется для изучения множество образцов местной фауны и флоры. Анна Полчек ни за что не позволила бы нам очистить всю планету, даже если бы у нас хватило для этого техники.

У Джеффа разболелась голова.

– Но вы же убьете обезьян, которые вам помогают! И волкотов... Крауна!

– К сожалению, да. Боюсь, другого выхода нет. Мы должны обосноваться на Альтаире-6. И рано или поздно эти животные умрут. Одно из двух: или мы, или они.

– Но это несправедливо! – выпалил Джефф. – Это же их планета. Песня Ветров принадлежит им, а не нам.

– Песня Ветров? – удивилась мать.

Джефф пожал плечами.

– Это... Так я называю эту планету... Как-то в контакте с Крауном... я его вроде бы услышал, это название.

– Альтаир-6, жестко сказал доктор Холмен. – Мы должны подготовить планету для всеохватывающей колонизации. Видит бог, мало хорошего представляет собой этот мир для колонизации, но сколько мы ни искали, лучшего не нашли. Моя задача – как можно скорее сделать планету по возможности похожей на Землю. Чем я и намерен заниматься, и пусть вымирают при этом местные формы жизни. Другого пути нет.

Джефф упрямо тряхнул головой.

– Все равно это несправедливо!

– Ты же знал о наших намерениях, – возразил отец. – Ты даже сам вызвался нам помочь!

– Но я... я не представлял себе, что мы будем убивать животных. Я думал, мы организуем колонию в одной какой-то части планеты, а они будут жить в другой.

– Это невозможно, – равнодушно ответил доктор Холмен. – Невозможно, чтобы над одной половиной планеты атмосфера состояла из кислорода, а над другой – из метана, во всяком случае, это не может продолжаться долго. Правда, пройдут десятилетия, прежде чем вся атмосфера станет кислородной. Счастье, если в течение ближайших пяти лет мы сумеем привезти на планету полмиллиона человек. И им придется жить под искусственными сводами почти всю свою жизнь.

– А все местные животные и растения погибнут? – спросила миссис Холмен.

– В конечном счете – да.

– Это же убийство! – вскричал Джефф. – Вы заставляете меня убивать Крауна и всех...

– Замолчи! – рявкнул отец.

– Но...

– Да выслушайте вы меня! Не в игрушки мы здесь играем. Жизнь миллионов... миллиардов людей поставлена на карту. Смотрите... и постарайтесь извлечь из этого урок!

Доктор Холмен отклонился назад, к другому краю стола, и набрал на панели несколько цифр.

– Если бы ты внимательнее изучал в школе подобные записи... – проворчал он в то время, как на противоположной стене загорелся экран. – Это последние известия, они были записаны на пленку за неделю до нашего вылета с Земли. Посмотри-ка на них хорошенько... на все до последней.

Все трое притихли и устремили взоры на экран. Джефф сидел как изваяние – голова гудела, сердце глухо билось в груди, когда он видел несметные толпы растерянных, обезумевших от страха людей, которые пробивались к больницам. На город обрушился зловещий, казалось бы, давно побежденный недуг – туберкулез, и люда осаждали медицинские центры в надежде на чудодейственную вакцину.

Пленка сменилась, показались зеленые поля Нью-Мексико. Бесконечно тянулись тщательно ухоженные гряды ово-

щей, их пересекали широкие ирригационные каналы. По голос диктора пояснил, что поля находятся под угрозой засухи – в Южной Калифорнии сильное землетрясение вывело из строя два завода-опреснителя морской воды, которые питали ирригационную систему. Кроме того, федеральные власти, оказавшись перед выбором – дать воду потерявшим кров жертвам землетрясения или полям, которые кормили миллионы людей, – отдали предпочтение пострадавшим горожанам.

Новости продолжались. Игра в хоккей, во время которой забито рекордное количество шайб, сменилась показом убийства политического деятеля в Японии. Возле берегов Ньюфаундленда шторм потопил несколько рыболовных судов, по крайней мере сто рыбаков погибли.

На протяжении всего репортажа голос диктора оставался безучастным – казалось, его не трогали ни смерть, ни разрушения. Всего-навсего один день из жизни планеты.

Экран опустел.

Отец повернулся к Джеффу и сказал:

– Это обычный день на Земле. Еще одно-два поколения людей будут жить не лучше. Может быть, даже хуже. Только мы можем помочь... перестроив эту планету так, что на ней смогут жить люди. Все зависит от нас. В наших руках судьба человечества. Разве оно не стоит жизни нескольких диких животных?

Джефф знал, какого ответа ждет от него отец, и ему само-

му хотелось бы так ответить. Но вместо этого он пробормотал:

– Выходит, мы разрушили собственную планету, а теперь принимаемся за чужую?

Он поднялся и направился в свою комнату, прежде чем ошеломленные родители успели ему ответить.

Они оставили Джеффа в покое. Он слышал, как они спорили ночью, иногда довольно громко. Но в его комнату не заходили.

На следующее утро Джефф, как всегда, поднялся рано, проглотил несколько таблеток, выпил сок из концентратов и направился в лабораторию контакта. Правда, теперь это было нечто большее, чем простая лаборатория. Добавились новые помещения, новое оборудование. Кабинеты были разбросаны по всему этажу. Несколько десятков ребятишек приходили туда теперь каждое утро.

– Приветик, Джефф!

Джефф повернулся и увидел, что к нему спешит Лаура Полчек.

– Сегодня я буду работать с одним из волкотов... Это мой первый день!

Он выдавил из себя улыбку:

– Желаю удачи!

Некоторое время они шли молча. Впереди них к Центру контактов, смеясь и перебрасываясь шутками, направлялись другие ребята.

– Доктор Карбо сказал, что скоро контактировать научат столько ребят, что работать придется всего по несколько часов в день. Тогда и тебе станет легче.

«Больше детей – больше убитых животных, – подумал Джефф.

– Неужели только меня это волнует?»

– Вечером в субботу я буду отмечать свой день рождения, – продолжала Лаура. – Я спрашивала доктора Карбо, можно ли тебе не работать в воскресенье, и он...

– О чем спрашивала?

Лаура испуганно взглянула на него, удивленная его гневным тоном.

– Я... Я спросила доктора Карбо... – начала она дрожащим голосом.

– Прекрасненько! У нас тут звери умирают, стада антилоп уходят все дальше от лагеря, а тебя волнует, как бы получше провести вечеринку. Здорово!

Лаура покраснела.

– Ну и ладно. Подумаешь, возомнил о себе! Только потому, что тебе первому удалось установить контакт, ты не имеешь права вести себя так, будто это только твое дело!

– А если имею? – вспыхнул Джефф. – Может, только мне одному и есть дело до того, что творится там, внизу, на планете? А вы все только и мечтаете, как бы поменьше работать и улизнуть на вечеринку.

Она встала посреди аллеи, оперев руки в бока.

– Не очень-то кидайся на меня, Джефф Холмен. Всем известно, почему ты так много времени уделяешь работе!

– Что известно?

– Все известно! – кричала Лаура. – Как ты кружишь вокруг Аманды на задних лапках... словно дрессированная собачонка!

Джефф почувствовал, как внутри у него все оборвалось.

– К-ааа-к?..

– Не притворяйся, будто ты не понимаешь, о чем я говорю, – уже не так громко, но все тем же пронзительным голосом сказала Лаура. – Ты все время околачиваешься возле Аманды. Ты даже сфотографировал ее, разве не так? Где у тебя фотография – под подушкой?

Ответ застрял у Джеффа в горле. Он поднял было руки, потом уронил их и молча заковылял мимо Лауры по зеленой тропе к Центру.

Совсем один.

9

Краун искал стадо целый день. Оно исчезло. Краун и другие волкоты вышли на охоту, как всегда, на рассвете. Но антилоп нигде не было. Будто сквозь землю провалились.

Волкоты то тут, то там обнаруживали следы антилоп: съеденная до проплешин на земле трава, вмятины от копыт, даже запах антилоп остался. Но самих животных не было ни в километре, ни даже дальше от лагеря – стадо – исчезло, испарилось за ночь. Возможно, им стало слишком холодно, и они бежали дальше на юг.

Один за другим волкоты оставляли бесполезные поиски и принимались вынюхивать хоть что-нибудь, пригодное для их пустых желудков. В конце концов один только Краун продолжал охоту на антилоп.

И вот, когда дневное солнце уже начало прятаться за лесом, Краун остановился на открытой поляне, простирившейся к югу. Стадо ушло, его нигде не было видно. Теперь, если бы он даже нашел хотя бы одну антилопу, ему не успеть до ночи дотащить ее в лагерь и накормить обезьян. Да ему и самому до темноты не добраться до места.

С тихим ворчанием Краун повернул к лагерю.

Было холодно. Ветер пронизывал насквозь. Снег вытравил длинные полосы травы. Серые, будто хлопья сажи, снежинки, казалось, сжигали все живое, стоило пробыть в со-

прикосновении с ними несколько часов.

«Но деревья не сбросили листвы».

«Да. Видно, она так и остается на деревьях в течение всего года. Наверное, листья каким-то образом стряхивают с себя снег».

Леса, казалось, вымерли. Животные либо ушли на юг, либо попрятались под землю на время зимы. И не было вокруг волкотов, которые стали бы сражаться с Крауном за то, что он вторгся на чужую территорию, – единственно, кто остался, это семейство волкотов там, возле лагеря – контролируемые волкоты. Но еды нет...

И тут Краун заметил какое-то движение в кустах. Кто-то живой. До него донесся незнакомый, очень слабый запах. Но если это живое существо, его можно съесть.

Краун медленно, водя носом по земле, пополз под куст. При слабом свете заходящего солнца он разглядел диковинное, никогда прежде не виданное им животное.

Оно было длинное и тонкое. У него не было ног. Тело круглое, толщиной с заднюю ногу антилопы или в четверть толщины собственной передней ноги Крауна. Трудно было сказать, какой оно было длины, потому что тело кольцами обвивало стволы кустов.

Краун фыркнул на змею. Она выглядела достаточно безобидной и съедобной. Он попытался ухватить ее зубами.

Но змея оказалась проворнее: откуда-то сзади вынырнула ее голова с открытой пастью, в которой угрожающе торчал

частокол ядовитых зубов. Змея злобно зашипела.

Краун заколебался. Часть его мозга, контролируемая Джеффом, предупреждала об опасности, о том, что змея, возможно, ядовита. А другая часть говорила ему, что змея маленькая, а потому ничего опасного в ней нет. И его пустой желудок принял окончательное решение.

Своими передними лапами волкот придавил изживающуюся змею к земле. И одной средней лапой нанес ей убийственный удар по голове. Но змея успела впиться своими ядовитыми зубами в среднюю лапу, Краун почувствовал, как его пронзила жгучая, опаляющая боль. Лапу жгло невыносимо.

Краун рухнул на землю, прямо на тело убитой змеи.

«Отключай! Убирай контакт немедленно!»

Краун не мог двигаться, не мог дышать. В мире для него ничего не осталось, кроме ослепляющей, сводящей с ума агонии. Он... открыл глаза и увидел белый потолок.

– Краун! – закричал Джефф.

Доктор Карбо обхватил мальчика за плечи и снова уложил его на ложе.

– Тише! Успокойся!

– Он умирает! Я пытался ему подсказать...

– Ты ничем не можешь ему помочь. Успокойся.

Джефф увидел лицо Аманды.

– В этом нет твоей вины, Джефф. И ничем ты не можешь...

– Но он же умрет!

Они окончательно освободили его от контакта и дали выпить что-то горячее, горькое. Джефф сидел на краю ложа, как в тумане. Доктор Карбо вернулся к контрольной панели.

– Зонд продолжает передавать сигналы... Он жив... но признаки жизни очень слабые.

– Он умирает, – снова пробормотал Джефф.

Аманда села рядом с ним и обняла его за плечи.

– Ну, не надо так... Краун – мудрый сильный кот. Он выживет.

– Позвольте мне снова вступить с ним в контакт. Может быть, я все же сумею ему помочь.

Карбо повернулся к Джеффу. Лицо его было похоже на темную торжественную маску.

– Нет, – решительно заявил он. – С тобой будет нервный припадок – вот и все, чего ты таким образом добьешься. Если яд подействует, то он подействует в любом случае – будешь ты в контакте со зверем или нет. Если не подействует... Обещаю, мы будем следить за сигналами от радиодатчика. Если в эту ночь он не погибнет, возможно, он вообще останется жив и невредим.

Пытаясь сдержать подкатывающие к горлу слезы, Джефф что было силы вцепился в край ложа.

– Стоит, пожалуй, посоветоваться с доктором Холменом и Анной Полчек, – озабоченно сказал доктор Карбо. – Эти проблемы с питанием изведут кого хочешь.

Аманда кивнула.

Как только Карбо вышел из комнаты, Джефф припал к Аманде. Не в силах больше сдерживаться он зарыдал.

– Ничего, – тихо успокаивала его Аманда. – Ничего. Все обойдется.

Когда Джефф очнулся, он не сразу сообразил, где находится. Это не его комната и не Центр контактов. Вокруг было темно, только с потолка пробивался слабый свет. Слегка повернув голову, Джефф обнаружил, что лежит в кровати. И что кровать со всех сторон чем-то занавешена.

«Это лазарет».

Где-то близко гудели, напряженно шипели голоса – шел неприятный разговор полусшепотом.

«Аманда, должно быть, дала мне снотворного, – догадался Джефф. – И они поместили меня сюда, чтобы врачи следили за мной».

– Ничего с ним не случится, – проскрежетал чей-то голос, похоже доктора Карбо. – Он просто измотан и эмоционально истощен. Уж очень он привязался к этому животному.

– Вы не имели права допустить это, – прозвучал голос отца. – Я ведь каждый божий день спрашивал вас, не слишком ли тесно он связан со зверем, и вы всегда уверяли меня, что нет никакой опасности. И вот – пожалуйста!

– Но все его показатели были отличные.

– Показатели! Вы бы еще взяли температуру моей бабушки! Какие к черту показатели, если мой сын без сознания?

– Он не без сознания. Мы просто поместили его сюда для врачебного наблюдения.

– Напрасно вы спорите, – вмешался еще один голос. – Главная проблема: что нам делать там, на планете? Как мы будем кормить обезьян, чтобы они продолжали работать и при этом не дохли?

Джефф узнал голос Анны Полчек.

– Защитить их от кислорода, пока работают преобразователи, мы не можем, – прошептал доктор Холмен.

– Значит, нужно отключать технику, когда обезьяны трудятся возле машин.

– Да. Я тоже так считаю. И нужно найти им пристанище достаточно далеко от машин и в таком месте, где бы ветер не дул на них со стороны машин, когда они в рабочем режиме... – Джефф почти явственно увидел, как его отец безнадежно качает головой. – Правда, на это уйдет вдвое больше времени.

– Другого не дано, – возразила Анна Полчек, – если вы хотите, чтобы ваши работники остались в живых. Берни, как твои ребята – достаточно хорошо управляют обезьянами?

Джефф представил себе, как доктор Карбо пожал плечами.

– Пожалуй, да. Хотя большинству все же не удастся достаточно жесткий контроль. Обезьяны дьявольски сопротивляются. Они же до смерти напуганы, и ребятам приходится нелегко. Но те изменения, которые вы предлагаете, должны

облегчить их задачу.

– Это хорошо.

– Но есть проблема посложнее, – сказал доктор Холмен. – Проблема питания. С тех пор как ушли антилопы...

– Можно синтезировать пищу для них, – сказала Анна Полчек.

– Станут ли они есть ее? – засомневался Берни Карбо.

– Не станут есть – умрут с голоду, – ответил отец Джеффа.

– Или уйдут.

– Пока они под контролем, не уйдут.

– В таком случае придется держать их под контролем все двадцать четыре часа в сутки.

– Достаточно ли у нас для этого ребятишек?

– Придется подключить еще несколько человек. По обычно сначала они неважно справляются со своей задачей.

– И все-таки придется подключить, – потребовал доктор Холмен.

– А почему бы не передвинуть лагерь на юг, туда, где погодные условия лучше?

– И перечеркнуть год работы в этом районе? Кроме того, здесь идеальные метеорологические условия. Когда преобразователи начнут работать в полную силу, именно отсюда кислород, который они будут вырабатывать, наилучшим образом распространится по всему северному полушарию планеты. Нет уж, это место было выбрано самым тщательным образом. Лучше не придумаешь.

– Но не для животных.

– К черту животных! Все равно они рано или поздно вымрут!

Джефф так стиснул зубы, что у него свело скулы.

И тут Джефф принял решение.

Голоса смолкли. Джефф слышал, как все трое вышли. Джефф оставался в постели, пока у него хватило терпения, затем сел.

В комнате было темно. Значит, еще ночь. Он тихо, со всей осторожностью, вылез из кровати и раздвинул занавески. Как он и думал, за занавеской оказалась еще одна комната с тремя кроватями. В ней никого не было. Джефф проскользнул в туалет и нашел там свой аккуратно сложенный комбинезон и туфли. Он быстренько переделся, бросив больничную одежду на пол.

Он подошел к двери и немного приоткрыл ее. В коридоре было пусто. Часы... Джефф нащупал в кармане комбинезона часы и надел их на руку. Они показывали четыре часа утра. Ничего удивительного, что в коридоре лазарета никого не было. Все спали. Но скоро там, на Песне Ветров, где находился Краун, наступит рассвет. Джеффу необходимо быть там при восходе солнца.

В конце коридора он увидел установку для обследований. К счастью, его кровать не была подсоединена к ней – его же положили сюда только для того, чтобы он пришел в себя. А не то поднялась бы тревога, едва он встал с постели.

Одна-единственная дежурная медицинская сестра дремала возле установки. Перед ней на панели слабо светились два небольших экрана. Значит, на обследовании находились два пациента.

Джефф ухмыльнулся, радуясь пришедшей в голову мысли.

Он потихоньку выскользнул из своей комнаты и, прижимаясь к стене тускло освещенного коридора, юркнул в следующую палату. Там лежали обследуемые пациенты. Над их кроватями висела довольно большая полка с приборами, на которой горели зеленые и желтые лампочки. Джефф на цыпочках подкрался к ближайшей кровати и нажал кнопку вызова.

Потом бросился к двери и спрятался за нею.

И вовремя.

Сестра распахнула дверь, вбежала в комнату и устремилась к кровати, возле которой в темноте краснела лампочка вызова. Джефф, согнувшись в три погибели, обежал дверь и помчался к выходу. Он услышал, как хмыкнула удивленная сестра.

Оказавшись на зеленой аллее, он поспешил к лаборатории контактов. Он влетел в кабинет, зажег свет и сел за ближайший стол. Откинув волосы со лба, нажал ключ и скомандовал компьютеру:

– Аманду Корли, пожалуйста.

На экране не появилось изображения, но Джефф услышал

сонный голос Аманды:

– Ч-ч-что... что там еще?

– Аманда, это я, Джефф. Я в лаборатории. Ты мне нужна, здесь, сейчас.

– Джефф? – Кажется, она поперхнулась. – Ты в... Что ты делаешь в лаборатории? Каким образом ты вышел из лазарета?

– Неважно. Мне необходимо быть с Крауном, когда он проснется на рассвете. Это необходимо! Ты согласишься помочь мне?

– Ты не имеешь права...

– Если ты откажешься, Аманда, я все сделаю сам. Мне необходимо быть с ним, когда он проснется. Это вопрос жизни или смерти!

– Джефф, ты сошел с ума!

– Так ты мне поможешь? Да или нет?

Она колебалась какой-то миг.

– Ладно. Помогу. Только ничего не трогай, пока я не приду.

– Хорошо. Но никому об этом не говори.

– Ну и достанется же нам за это, – сказала Аманда.

10

Когда Краун проснулся, боль все еще пульсировала в ноге. Но дальше она не распространилась. Он видел, он дышал. И сердце продолжало биться.

Он приподнял свою огромную голову с земли. Всю ночь напролет шел снег, и ему пришлось, преодолевая боль, с трудом встать, чтобы стряхнуть с себя зудящие, обжигающие тело хлопья. Укушенная змеей нога не сгибалась, ее, видимо, парализовало.

Но он жив!

И как всегда голоден. Он посмотрел на убитую змею, наполовину засыпанную снегом. Сбросив со змеи серый снежный покров, Краун понюхал ее. Джефф в нем проявлял осторожность – волкот помнил о змеином яде. Сам же Краун руководствовался только сигналами, которые в изобилии поступали от его голодного желудка.

Они пришли к компромиссному решению. Краун зажал передней лапой голову змеи, где находились железы, вырабатывающие яд, впился зубами в ее длинное, скрученное кольцами тело. В нем оказалось больше костей, чем мяса, зато его было много – змея была длиной по меньшей мере метров в пять. А может, и того длиннее.

Почувствовав себя лучше, но еще страдая от укуса, Краун побрел к лагерю.

Было холодно. Казалось, с каждым днем становится холоднее, серее, все чаще идет снег. Краун медленно хромал по горному хребту, и сквозь разрывы в кустарнике на склоне гор видел океан, серый и холодный. А небо было еще серее, и даже упрятанный под снегом берег был серый и мрачный. К вечеру сажистый покров таял, но что ни день снег все дольше оставался на земле, не поддаваясь лучам солнца.

В лесу не ощущалось никакого движения. Краун мог бы поклясться, что единственное живое существо в лесу – это он. Даже листья на деревьях съежились от холода. Ветер вздыбливал мех на загривке Крауна и заставлял волкота низко пригибать голову к земле, в то время как он с трудом тащился к лагерю.

Краун знал – путь предстоит долгий. Долгое, тяжелое, голодное возвращение в лагерь, с раненой ногой, которую, стоило ему шевельнуть ею, будто на костре жгли.

«Отключить».

Краун, хромая, продолжал идти по замерзшей траве, чувствуя, как скрипит под ногами снег-сажа.

«Отключите его. Снимите напряжение. Животное поправляется, ему необходим покой».

Какое-то время все вокруг казалось Джеффу незнакомым, чужим. Ложе, яркий свет, белые стены и потолок. Аманда наклонилась над ним, улыбаясь.

– Нас поймали, – сказала она.

Джефф повернул голову и увидел, что рядом стоят доктор

Карбо и отец. Лица обоих побелели от бешенства.

Но Джеффу было все равно.

– У Крауна все хорошо, – сказал он. – Краун будет жить.

– Снимите с него провода, – с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать, сказал доктор Холмен.

Джефф возвращался домой вместе с отцом. Было раннее утро, и на тропинках им встречалось множество людей, спешащих на работу. Доктор Холмен ничего не говорил, Джефф тоже помалкивал.

Но едва дверь за ними закрылась и они очутились у себя в гостиной, доктор Холмен повернулся к Джеффу:

– Ты подумал, что ты сделал с матерью?

– С мамой?

– Из лазарета позвонили в половине пятого утра и спросили, не пришел ли ты домой. Подошла мама, и с ней потом была истерика.

– Но я...

– Сейчас все прошло. Она спит – приняла снотворное. Но у нее мог случиться сердечный приступ!

Джефф направился в спальню матери, но отец схватил его за руку.

– Джефф. Я вижу, как на тебя подействовала эта... это животное. Вот почему я освобождаю тебя от работы. Никаких работ по контакту, по крайней мере на несколько дней.

Джефф слушал отца, испытывая такое ощущение, будто сквозь него пропускали ток.

– Ты этого не сделаешь!

– Сделаю! Больше того – я уже сделал это.

– Ты ничего не понимаешь! – вскричал Джефф.

– Понимаю, и гораздо больше, чем ты думаешь! – закричал в ответ отец. – Я все знаю про тебя и про эту черную...

– Как ты сказал?

– Про Аманду Корли. Ты просто влюбился в нее, разве не так? Даже ее фотографию повесил у себя в комнате.

– Это... мое дело, – задохнулся Джефф.

– Напрасно ты так думаешь, – оборвал его отец. – Это же смешно! Женщина вдвое старше тебя.

– Да еще и черная!

– Причем здесь это?!

– Ах, так – не при чем?

– Нет, конечно. Но я не потерплю, чтобы женщина вдвое старше окрутила тебя... да еще в состоянии нервного истощения от этой работы.

Джефф почувствовал, как лицо его наливается кровью.

– Ты лжец! Ты злишься потому, что Аманда негритянка!

И вы все напуганы, потому что животные не могут выполнить ту работу, которую вам нужно. Вы хотите убить их всех, вы готовы смести все, что стоит на вашем пути! Все и всех, лишь бы достигнуть желаемого.

Отец буквально отшатнулся от него. Лицо его покрылось бледностью, как от пощечины.

– Какой бес в тебя вселился, Джефф? Это...

– Оставь меня в покое!

И Джефф направился в спальню матери.

Следующие несколько дней для Джеффа прошли как в тюрьме. Он, разумеется, был свободен в пределах «Деревни» и мог ходить всюду, только не в Центр контактов. А его, конечно, только туда и тянуло.

Он слонялся по зеленым аллеям, часами не вылезал из библиотеки, разглядывал в иллюминаторы планету.

Наконец он завалился на кровать в своей комнате и стал прокручивать видеоленты с программами новостей из библиотеки корабля. Перенаселенная, отравленная, опасная, запыленная Земля. Кишащие толпами людей города, умирающие реки и озера, океаны, усеянные множеством кораблей, странствующих в отчаянных попытках найти пищу и другие ресурсы для постоянно растущего населения.

Вот таким, свернувшимся в комочек, и нашла его однажды мать, придя днем домой после уроков.

– Видишь, твой отец не преувеличивал, – мягко сказала она, стоя в дверях комнаты Джеффа. – Условия на Земле для большинства людей ужасающие. Вот почему нам нужен этот мир, и нам, и другим людям, нашим кровным братьям. Этот мир, и еще многие другие. Это тяжелая работа, отец делает ее во имя всего человечества.

Джефф не ответил. Да и что он мог ответить? Либо погибать людям Земли, либо погибать животным Песни Ветров. К тому же у него не было способа повлиять на решение. А

решение уже было принято, даже до того как «Деревня» покинула Землю и направилась к Альтаиру. Песне Ветров суждено умереть, а на ее месте должна появиться новая Земля под названием Альтаир-6. Новая Земля?

Джефф вновь впился глазами в экран, где шла очередная лента новостей. Насилие, ненависть, ужас, смерть... Дать людям новый мир, чтобы они и его довели до таких же бедствий? И это то, ради чего они убивают Крауна?

Джефф задумался, что же он может поделать? Часами бился он в поисках выхода, но так и не находил его.

Ничего.

Ничего он поделать не может. Он помог им воспользоваться Крауном, чтобы начать долгий, медленный процесс уничтожения мира, который называется Песня Ветров. Собственный отец вовлек его в это предательство, предательство целого мира.

Однажды вечером сразу после ужина к нему заглянула Лаура. Джефф пошел с ней прогуляться. При родителях он разговаривать не мог. С отцом он и десятком слов не перемолвился с тех пор, как его отстранили от Крауна.

Лаура была сильно возбуждена.

– У меня для тебя хорошая новость, Джефф, – радостно заявила она, когда они бесцельно шли по тропинке.

– Что такое? – спросил он.

– Я сегодня была с Крауном!

– Точно?

– Да. Это был он, я знаю... Нога у него еще не совсем сгибается.

Джефф схватил ее за руку.

– Как он там? Еда у них есть?

Лаура встряхнула своими рыжими волосами.

– Отлично. Хотя, признаться, они изрядно голодали. Еды там никакой не осталось. Обезьяны заходят в океанский прибой и выкапывают моллюсков. Иногда им даже удается схватить рыбу. Но волкоты этого не едят.

– Что же они едят?

– Доктор Карбо сказал нам, чтобы мы заставили их раскапывать в лесу норы. Так они набирают на пропитание зверьков, впавших в спячку. Не так, чтобы много, но волкоты только тем и живы.

Джефф покачал головой.

– Они должны были отпустить волкотов. Нельзя заставлять животных оставаться там, где нет пищи... И эти кислородные преобразователи... Обезьяны больше не умирали?

– Одна или две, – ответила Лаура. – Всякий раз, когда одна из них умирает, остальные пытаются разбежаться. Из-за этого и нужны волкоты... Чтобы удерживать обезьян на базе.

– Вот это плохо, – пробормотал Джефф. – Черное дело мы здесь творим.

Лаура прикоснулась к его щеке.

– Джефф... я тоже так думаю. И большинство ребят тоже.

Но что мы можем сделать?

Он заглянул в голубые льдинки ее глаз: как бы ему самому хотелось знать ответ!

На следующий день Джефф постарался зайти в кафетерий в такое время, когда Аманда обычно там завтракала.

Проталкиваясь сквозь шумную толпу, Джефф высматривал ее в суете кафетерия. Большинство столиков было занято. По просторной комнате носились тысячи разных запахов, разговаривали сразу на тысячу разных тем. «Краун здесь рехнулся бы», – подумал Джефф.

А вот и она! Однако Аманда сидела за двухместным столиком с доктором Карбо. Джефф попятился назад, наблюдая, как они о чем-то разговаривают, смеются. Зрелище это вызвало у Джеффа чувство, похожее на злость. Такого он, пожалуй, еще не испытывал.

Наконец Карбо встал, намереваясь уйти. Аманда поднялась было с ним, но он жестом остановил ее: она еще не кончила еду. Он показал на свои часы, она улыбнулась, кивнула в ответ.

Не успел доктор Карбо направиться к выходу, как Джефф моментально встал в очередь. Он выбил на клавиатуре селектора свой заказ, молоко с пирожком, получил поднос и двинулся прямо к ее столу.

Аманда встретила его широкой улыбкой.

– Привет, Джефф. Как самочувствие, получше?

Он поставил поднос на стол и сел в кресло напротив нее.

– Нормально. Аманда, надеюсь у тебя не было из-за меня слишком больших неприятностей?

– Так, покипятились день-другой. Но мне удалось усмирить бурю.

– Ага. – Он совершенно не представлял себе, о чем говорить дальше. – А как... а как там дела на Песне... на поверхности?

Лицо Аманды посерьезнело.

– Разве отец не говорил тебе?

– Нет. Эти дни мы почти не разговариваем.

– О, – она на мгновение задумалась, потом сказала: – Да, дела там идут не слишком хорошо. Биохимики приготовили синтетическую пищу для животных, но каждый раз, когда они сажают транспортную капсулу с пищей возле лагеря, все животные, даже волкоты, настолько пугаются, что отказываются приблизиться к ней. Ну, и еда попросту гниет.

– Изумительно, – Джефф постарался вложить в это слово все свое отвращение. – Я бы им и так сказал, ведь ничего другого и не могло произойти. Почему бы им не посадить капсулу где-нибудь не на виду, а потом просто послать туда Крауна и других волкотов?

– Послушай, а ведь это идея, – вскинула брови Аманда. – Как же это мне в голову не пришло?

– Это потому, что тебе не приходилось бывать волкотом.

– Или обезьяной, – улыбнулась она.

– Ага... Ну, идею я дарю. Подскажи доктору Карбо или

матери Лауры...

– А почему ты не скажешь об этом отцу?

– Я же говорил, – ответил Джефф, качнув головой, – мы больше с ним не разговариваем.

– Что за глупости! – сказала Аманда. – В конце концов, ты слишком ценный работник для всего проекта, чтобы дуться, как капризное дитя.

– Нет, здесь нечто большее. Мы... мы очень во многом не сходимся.

– В самом деле? Например?

– Так. – Джефф не мог смотреть ей в глаза. – Очень во многом.

– Включая меня? – мягко спросила Аманда.

Джеффа как током ударило.

– Как ты догадалась?

– Со мной случилось то же, когда мне было лет двенадцать. Я по уши влюбилась в одного из учителей. Я больше никого так не любила, – грустно произнесла она.

Джефф был слишком взволнован, чтобы отвечать. Он сидел, уставившись в поднос перед собой.

– Джефф, милый, посмотри на меня, – сказала Аманда.

Он подчинился. Она улыбалась ему. Тепло, с пониманием, почти с любовью. Почти.

– Джефф, через это проходят все. Это больно, я знаю, но скоро эта боль утихнет...

– Но я люблю тебя, – выпалил он.

– Знаю, – сказала она. – Я тебя тоже люблю, хотя и не так. Не надо стыдиться любви друг к другу. Но ты же знаешь не хуже меня, что мы не собираемся прожить вместе остаток нашей жизни. Это не такая любовь...

– Я... я не знаю...

– Зато я знаю, – мягко сказала она.

– Черт бы побрал моего отца, он прямо взбеленился от ярости!

– А ты как думал? Отцы, они все такие. Вот подожди, влюбится твой сын в женщину постарше!

– О! Когда это будет!..

Она рассмеялась.

– Вот увидишь! Придет день, когда ты встретишь девушку, с которой захочешь провести всю свою жизнь. И у вас будут дети, и ты станешь отцом. И тогда-то вспомни сегодняшний день.

– Я, наверное, по-дурацки вел себя.

– Ты вел себя очень мило. А уж если кто и вел себя глупо, так это я. Да еще дважды.

– Ты о чем?

– Ну... – она замолчала в нерешительности. – Первый раз, когда ты попросил разрешения сфотографировать меня – я должна была догадаться, что за чувства ты испытываешь ко мне. А второе... мне пора бы разобраться, что я сама чувствую по отношению к Берни, раз и навсегда.

– К доктору Карбо?

– У меня к нему довольно сильное чувство. Думаю, что и у него ко мне тоже, – задумчиво проговорила Аманда.

– Вот как!

– Надеюсь, ты не станешь ревновать, нет ведь? – Она пристально смотрела на Джеффа.

– Я... Не знаю.

– Я бы хотела, чтобы мы все-трое опять работали вместе. Одному богу известно, как необходима наша помощь там, внизу, на планете.

Джефф кивнул.

– За меня можно не волноваться. – Он даже попытался улыбнуться. – Думаю, я как-нибудь переживу это.

– Конечно же! – сказала Аманда. – У тебя все будет хорошо.

– Да, – согласился Джефф.

Нельзя сказать, чтобы ему было так уж хорошо в тот момент. Но где-то в глубине души он понимал, что Аманда права.

В тот вечер за ужином отец сказал, что на рассвете он, Джефф, должен явиться в Центр контактов. Джефф ответил, что явится. Он почувствовал, что ему, хотелось бы продолжить разговор, но не знал, с чего начать.

Отец пошел ему навстречу. Он сказал очень серьезно:

– Ты нам нужен. Ты лучший в работе по контактам.

Джефф взглянул на мать. Она молчала, но глаза ее светились надеждой.

– Я... я постараюсь сделать все, что могу.

– Большого от тебя никто и не требует.

Джефф кивнул. Лицо его расплылось в невольной улыбке. Он уткнулся в тарелку и тут обнаружил, что к нему вернулся аппетит – впервые за много дней.

Первое ощущение было каким-то странным.

Краун был иным. Голодным, как обычно. Нет, сильнее, чем обычно. Он был голоднее, утомленнее, напряженнее.

Обезьяны, очевидно, находились на грани безумия. Все инстинкты гнали их прочь, на юг, подальше от холода, от этих странных машин, которые убивают. Но железный контроль из космоса, из вращающейся по своей орбите «Деревни» заставлял их оставаться в лагере, на берегу. Остаться и работать. Остаться и работать, и замерзать, и погибать.

Волкоты держались достаточно далеко от лагеря. Они приближались к постройкам и машинам только тогда, когда этого никак нельзя было избежать.

Этим утром Краун неторопливой рысью направился прочь от семьи волкотов, которые заметно похудели и казались гораздо более раздражительными, чем прежде, и двинулся на юг.

«Капсула с пищей приземлилась нормально. Теперь надо только найти ее».

На это потребовалось меньше получаса. Капсула покоилась на отмели, по которой сейчас, во время прилива, гулял прибой, наполовину захлестывая капсулу. К счастью,

люк, автоматически открывшийся в момент посадки, оказался выше уровня воды. Однако волны прокатывались в опасной близости от него, а некоторые гребни даже срывались и пропадали внутри.

Краун, ворча на холод и сырость, пошлепал через прибор. Поднявшись на задние лапы, он заглянул в люк. Передней лапой выудил колышущийся кусок синтетического мяса. Понюхал его, лизнул. Ни вкуса, ни запаха.

Было неудобно тащить в передних лапах продолговатый кусок искусственной пищи, прыжками добираясь до сухой полосы песка на берегу, за верхней отметкой прилива. Он бросил кусок на землю, снова понюхал его и впился зубами. Похоже на мясо, но совершенно безвкусное. И Краун съел его, дочиста. Желудок заполнился, но и только. Удовольствия от еды Краун не получил.

Он вернулся к капсуле, взял в зубы другой кусок и потащил его семейству волкотов.

Волкоты бродили по берегу южнее лагеря, как полицейский отряд в ожидании беспорядков. Краун бросил пищу на песок, затрусил в сторону и улегся на подмерзшую коричневую траву. Он смотрел, как волкоты, один за другим, подбирались к мясу и нюхали его. Последним подошел большой самец, вожак семьи. Он порычал, потрогал кусок лапами, полоснул по нему когтями. И принялся за еду. Остальные члены семейства расположились вокруг, смиренно наблюдая, как их вожак приканчивает кусок мяса.

Покончив с мясом, вожак взглянул на Крауна и фыркнул, как бы вопрошая: «Где ты это взял?»

Краун встал и пошел вдоль берега. Оглянувшись, он увидел, что все семейство волкотов следует за ним.

Все, кроме вожака.

День еще не кончился, когда волкоты насытились. Они принесли мясо и обезьянам. Все животные, как только животы их наполнились, почувствовали себя лучше и вели себя спокойнее.

«Совсем как люди».

В тот же вечер Джефф ужинал вместе с Полчеками. Лаура пригласила его, когда они встретились в конце рабочего дня у выхода из Центра контактов. С наступлением зимы дни стали короче, но молодежь этому только радовалась.

Ужин прошел хорошо, хотя миссис Полчек явно была чем-то обеспокоена. Джефф обратил внимание на то, как дружелюбно разговаривали между собой Лаура и ее отец, а Анна Полчек едва ли слово вымолвила за весь вечер.

После ужина, когда все перешли в гостиную, она вдруг сказала:

– Порой я жалею, что нам вообще встретилась эта планета!

– Что?!

– Ну-ну, Анна, – сказал доктор Полчек, – не поддавайся настроениям. Ты же знаешь, нет ничего...

Но она покачала головой.

– Нет, это правда. То, что мы творим здесь, – преступление... настоящее преступление.

– О чем вы? – спросил Джефф.

Миссис Полчек взглянула на него так, словно только что вспомнила о его существовании. На какое-то мгновение она нахмурилась, потом вздохнула, лицо ее разгладилось, и она спросила:

– Вы знаете семью Токадо?

– Да, – одновременно ответили Джефф и Лаура. Лаура, как и Джефф, сгорала от любопытства.

– Доктор Токадо и ее муж провели антропологические исследования животных, которых вы, молодые люди, контролируете...

– Антропологические исследования? – изумилась Лаура.

– Да... чтобы определить, на какой стадии интеллектуального развития находятся эти животные на эволюционной шкале по сравнению с животными Земли.

Джон Полчек задумчиво потер подбородок.

– Ты уверена...

– Все в «Деревне» должны знать об этом, – заявила миссис Полчек. – Пусть Питер Холмен держит это в секрете.

«Мой отец? – удивился Джефф. – Какой секрет?»

– Сегодня доктор Токадо передала свое открытие на суд Питера, – продолжала Анна Полчек. – По ее мнению, и волкоты, и обезьяны меньше чем за миллион лет станут разумными существами – возможно, такими же разумными, как

человек.

– Разумными? – спросил Джефф.

– Как мы? – не менее удивленным тоном вторила ему Лаура.

– Совершенно верно, – сказала миссис Полчек. Затем добавила с досадой: – Если им дадут возможность выжить.

– О-о-о! – воскликнул Джефф, до которого только теперь дошел весь смысл сказанного.

– Понятно? Так-то вот. А мы занимаемся тем, что уничтожаем два вида животных, которые со временем могли бы стать такими же разумными, как мы с вами.

Джон Полчек замахал руками.

– Что ты, что ты! Это было бы ужасно! Мы вовсе не намерены уничтожать их всех. Я говорил об этом с Питером, он тоже считает, что надо сохранить часть животных в специально отведенных для них районах, где будут постоянно поддерживаться определенные условия и среда.

– Нет, – резко возразила Анна Полчек. – Из этого ничего не получится. Разум не может развиваться в зоопарке. Животным необходим их собственный мир, в котором на них влияли бы естественные силы, естественная среда. А не зоопарк...

– Но... – Джефф уже понял, к чему она клонит. – Но это значит, что мы должны оставить им планету и полностью отказаться от своих планов.

– Вот именно.

– А это в свою очередь означает, – сказал Джон Полчек, – что человечество теряет надежду получить в свое распоряжение новую планету.

– Значит, мы или они, – сказала Лаура, очень неуверенно, несмотря на категоричность реплики.

– Что же нам остается, какое решение? – спросила Анна Полчек.

– А кто дал нам право принимать какое-либо решение здесь?

– спросил Джефф.

Никто ему не ответил.

Краун чувствовал что-то странное в воздухе. Что-то страшное.

Он не мог ни обонять, ни видеть, ни слышать этого. Но оно было. Каждый порыв ледяного ветра, дующего с моря, был пронизан ощущением ужаса. Тяжелое серое небо, заснеженный берег, деревья там, на холмах, с листьями, скрученными в спираль, – все, что окружало Крауна, дышало страхом и опасностью.

Обезьяны и семейство волкотов тоже почувствовали это. Суетливо, неуклюже, кружа на одном месте, обезьяны жалобно поглядывали на побережье, будто молчаливо умоляли свою стражу отпустить их с этого страшного места. Да и сами волкоты нервно слонялись вдоль берега, размахивая хвостами, рыча без всякой на то причины.

Надвигалось что-то неизвестное, во поистине ужасное.

Животным и без того было достаточно плохо. Они едва сумели вынести зимние штормы, за последнюю неделю трижды обрушивавшиеся на побережье. Волны уничтожили часть оборудования и некоторые здания в лагере. Снегопады участились, и животные вынуждены были проводить ночи под крышей, чтобы не оказаться заживо погребенными под снегом.

Управляемые людьми обезьяны соорудили убежища в ви-

де шатров для себя и для волкотов. Всякий раз, когда шатры сносило штормом, они терпеливо восстанавливали их вновь. Теперь каждое утро начиналось с того, что обезьяны очищали рабочую площадку от снега. От этого их передние лапы-руки покрылись волдырями и горели как от ожогов. Волкотам с их толстокожими лапами скопления снега на тропинках как будто не угрожали.

Семейство волкотов укрывалось на ночь в одном шатре, хотя он был явно тесен для них. В другом шатре спал один Краун: даже под контролем человека семья волкотов не принимала его за своего. Это право Краун мог заслужить, только убив вожака. Но до тех пор, пока люди управляли волкото-тами, открытого конфликта между животными возникнуть не могло.

Краун стоял на склоне холма, наблюдая, как тупо двигаются по побережью обезьяны, как рычат встревоженные волкоты. Волны набегали на берег, холодные как лед. Обезьяны не хотели работать.

Неожиданно океан стал откатываться. Вода уходила, обнажая темно-коричневый, блестящий от влаги плоский берег. Как в замедленном кино, край моря все дальше отступал от линии прилива.

Крауна затрясло.

Нет. Затрясло землю.

«Цунами!»

«Землетрясение и волна цунами!»

«Вызвать доктора Холмена! Проверить центр наблюдения!»

Земля под лапами Крауна с грохотом содрогнулась, и на склонах холмов с треском стали валиться деревья. Сорвались и запрыгали вниз камни. Земля покрылась трещинами.

На какой-то миг обезьяны в оцепенении застыли на своих местах. Потом, вопя от ужаса, заломив над головой лапы, бросились врассыпную. Зарыкали волкоты, шныряя взад-вперед, а затем и они устремились вдоль берега. Забыв об обезьянах, животные слепо искали спасения единственным известным им способом – в бегстве.

«Они вышли из-под контроля!»

«Отсоединяйте, детей, прежде, чем...»

Земля вставала на дыбы и бросалась в пропасть. Широкие трещины рассекли склоны холмов. Горы исчезали, взрываясь словно воздушные шары и изрыгая тысячетонные обломки скал и куски почвы на берег.

Краун в растерянности застыл, не зная, бежать ли ему вдоль берега или попытаться подняться на гребень холмов. Сотрясения почвы раз от разу становились все ужаснее, все огромное тело волкота ходило ходуном. Из бесчисленных трещин, закрывая горизонт, сочился дым. Но вот образовался просвет, и Крауну на мгновение удалось разглядеть берег: он грозил гибелью.

«Джефф все еще в контакте! Он пока держится».

«Подумать только, один из всех!»

От самого горизонта мчалась огромная волна, похожая на серую крепостную стену, она вздымалась все выше и выше, как горный хребет, и вот уже ее псиный гребень с грохотом обрушился на берег, сметая все на своем пути.

Краун взревел на волну, повернулся и кинулся вверх, к гребню холмов. Там под напором бури гнулись деревья. Прямо перед ним вдруг разверзлась земля, но он успел перепрыгнуть через разлом. Следом за ним скатывались камни и скалы. Сама земля, казалось, съезжала вниз, навстречу всепоглощающей стене серой, бурлящей воды...

Краун почувствовал, как земля уходит из-под его ног – это вниз устремился склон. В отчаянных попытках взобраться повыше волкот цеплялся за камни, карабкался что было сил. Уже чувствовался соленый острый запах морских брызг, а все звуки покрыл низкий рев, возвещавший конец света. По скалам, грязным осыпям, вонзая когти в вырванные с корнем и сломанные деревья, Краун продолжал свой путь.

И тогда Вселенная взорвалась. Раздался оглушительный грохот. Ярость приливной волны снесла берег, и будто гигантская рука вдруг подхватила Крауна и подбросила вверх. Деревья, скалы, невероятные нагромождения – такого он не видывал никогда, небо перевернулось вверх тормашками... И тут он шлепнулся прямо на живот и стал проваливаться сквозь листву и шершавые стволы деревьев. По крайней мере тысячу раз он ударялся о тысячу каких-то предметов.

Наконец все кончилось.

Краун лежал на вершине холма, будто в люльке, сотканной из поваленных кустов, расщепленных ветвей, среди завала деревьев. Все тело его болело, он промерз до костей, ему не хватало дыхания. Но он был жив.

Покачиваясь, ощущая боль при каждом движении, Краун поднялся на ноги и взглянул на побережье. Там по осталось ничего. Ровным счетом ничего. Лагерь исчез. Берег очистился от зданий в оборудования так, словно их там и не было.

Краун моргнул и сделал несколько мучительных шагов по пружинящему мокрому месиву из ветвей и кустов, на котором он оказался. Море, теперь спокойное, мирно лизало песок, будто ничто никогда не нарушало его вечного покоя. Побережье очистилось от снега и, как полированное, сверкало золотом под солнечными лучами.

Всмотревшись внимательнее, Краун заметил части разбитых машин, водоросли, камни, ветки деревьев и уцелевшие тягачи, в беспорядке разбросанные вдалеке. Склоны холма были изъедены ямами, заполненными грязью, от которой кое-где еще поднимались испарения. Много деревьев было повалено, еще больше склонилось под причудливыми углами, некоторые – с корнем выдранные землетрясением или чудовищным натиском цунами.

«Отключай!»

Краун фыркнул и затряс тяжелой головой.

«Отключай Джеффа. Больше там нечего делать».

Все население «Деревни» собралось в зале заседаний. Это

был большой круглый зал в центре главного шара. По стенам огромного помещения росли кусты и цветущие растения. Здесь ставились спектакли, устраивались танцы в всякого рода общественные мероприятия. Зал заседаний был самым большим помещением в «Деревне», больше гимнастического зала.

Сегодня в нем стояли ряды кресел, все обращенные и сцене. Там сидели руководители отделов в капитан корабля. На собрание пришли все до единого: мужчины, женщины, дети, только три члена экипажа остались следить за автоматами управления кораблем.

Председательствовал доктор Холмен. Он подробно рассказал обо всем, что произошло там, внизу, на планете. Называл он планету только Альтаир-6. Джефф, сидевший между матерью и Лаурой, всякий раз, когда слышал это, тихо произносил: «Песня Ветров».

Берни Карбо продемонстрировал ленты с записями сигналов зонда, помещенного в мозг Крауна. Ни он, ни доктор Холмен не упоминали имени Джеффа, однако оба доложили собравшимся, что Краун был единственным из животных, кто до конца оставался на месте катастрофы. Все остальные отринули человеческий контроль и, будучи во власти обыкновенного страха, оказавшегося сильнее электронных связей между животными и людьми, бежали.

– Мы постараемся восстановить контакт с этими животными завтра утром, – сказал доктор Карбо. – Возможно, нам

снова удастся взять их под контроль, но лично я в этом не уверен... Думаю, понадобится по меньшей мере несколько дней или недель, пока животные немного придут в себя. Тогда мы восстановим контакт.

При виде записанных на пленку последствий цунами и гибели лагеря люди оцепенели от ужаса.

Лаура, глядя на разрушения, прошептала Джеффу:

– Такое впечатление, что планета одним взмахом стерла с лица своего все человеческое.

Джефф посмотрел на нее. Да, она была совершенно права.

Лента кончилась, и доктор Холмен поднялся, чтобы продолжить выступление.

Джеффу, сидевшему где-то в средних рядах, отец казался очень далеким, маленьким, незнакомым существом. Но его голос, усиленный динамиками, звучал мощно, настойчиво.

– Мы потерпели поражение, – говорил он, – но это вовсе не означает, что мы сдаемся. На протяжении целого года мы делали все, чтобы запустить на полную мощность нашу базу, и вот – все впустую. Но этот год не пропал для нас даром. Мы узнали много важного. Мы знаем, что можем вступать в контакт с животными планеты и управлять ими. Знаем, что можем заставить их работать на нас, даже в условиях, для них противопоказанных. И эти наши знания мы теперь можем использовать для дальнейшего прогресса.

По залу прошелестел шепоток.

– Мы построим новую базу на планете, южнее, в районе с

более благоприятными климатическими условиями. И геологически более стабильном. Выбор места для нашей первой базы диктовался метеорологическими соображениями. Место для нового лагеря мы изберем на основании климатических условий, метеорологических данных и тектонической стабильности. Собственный опыт – в чем-то положительный, в чем-то горький – многому нас научил, и я надеюсь, что примерно через полгода мы сумеем запустить на полную мощность полноценную установку по преобразованию атмосферы.

Слушателям все это нравилось. Они кивали головой и поворачивались друг к другу, чтобы выразить свое одобрение. Никто и слышать не желал, что работа, проделанная ими за прошедший год, оказалась бесполезной.

– Первым шагом в нашем новом предприятии, – продолжал доктор Холмен, – будет поисковая группа, которую я намерен послать завтра же в район старой базы, чтобы посмотреть, что из оборудования уцелело и может быть использовано. Я сам возглавлю эту группу.

При этих словах все встали и громко зааплодировали. Доктор Холмен слегка склонил голову и попытался сдержать улыбку. Но Джефф знал, что аплодисменты ему приятны.

На следующее утро Джефф завтракал вместе с родителями у себя дома.

– Я уже давненько не был на планете, – возбужденно говорил отец. – С интересом ожидаю этого момента.

– Сомневаюсь, что вы там что-нибудь спасете, – заметил Джефф.

Отец пожал плечами:

– Любой кусочек металла представляет ценность. Его можно снова пустить в оборот.

– Да, наверное.

– Но это опасно, – сказала миссис Холмен.

– Я буду не один, – успокоил ее доктор Холмен. – Подбираются опытные люди. Не волнуйся.

– После землетрясения никому не удалось наладить контакт с животными, – сказал Джефф. – Видимо, они далеко разбежались. Все, кроме Крауна.

– Несколько человек пытались сегодня ночью вступить в контакт с Крауном, но так и не смогли, – сказал отец.

Джефф был поражен.

– Как? Кто пытался? Зачем? Куда делся Краун?

Доктор Холмен покачал головой.

– Не знаю. Возможно, он ушел с побережья в поисках пищи. Сомневаюсь, чтобы ее много осталось там, где было землетрясение.

«Чепуха, – подумал Джефф. – Все эти грызуны вылезли из своих нор. Так что у Крауна пока пищи хватает».

Отец взглянул на часы, схватил чашку с кофе и залпом осушил ее.

– Через пять минут должен встретиться со всей командой.

Встал и Джефф.

– Пойду-ка в Центр контактов. – С улыбкой взглянув на отца, он добавил: – Я вас *там* буду ждать.

– Вряд ли ты найдешь своего волкота где-нибудь поблизости, – с сомнением в голосе произнес доктор Холмен. – Он убежал, Джефф. Вне досягаемости наших радиодатчиков и приемников.

– Посмотрим.

Отец ничего не ответил, но по выражению его лица Джефф догадался, что он думал: «Вот-дорастешь-до-моего-возраста-тогда-будешь-разбираться-что-к-чему.»

– Папа? – услышал Джефф свой собственный голос.

Доктор Холмен уже подходил к двери. Возглас сына заставил его обернуться. Джефф поспешил за ним.

– Ты и в самом деле думаешь, что мы поступаем правильно?

– Ты о чем?.

– О планете, наших попытках изменить ее. Об уничтожении всего живого и о превращении Песни Ветров во вторую Землю.

Отец остановился. Повернувшись к Джеффу, он зло ответил:

– Тут не применимы понятия «правильно» или «неправильно». Это вопрос жизни или смерти – просто и ясно. Мы можем поступать только так.

– Но...

– Никаких «но»! У меня нет времени на споры, Нет его и

у перенаселенной планеты Земля!

12

Краун был на месте. Он оставался там все время.

«Все остальные ребята не сумели удержать контроль, потому что сами испугались. А я и Краун – мы составляем одно целое. **ОДНО ЦЕЛОЕ**».

Краун сел и издал долгий пронзительный вопль, вложив в него всю переполнявшую его радость. Он жив!

Всю ночь Краун провел в охоте за мелкими грызунами, которых землетрясение вытряхнуло из нор. Многие норы смыло водой, и теперь множество зверушек спешило выкопать новые укрытия в разодранной, перемешанной, пропитанной влагой почве на вершинах холмов в лесу. К рассвету большинство из них уже укрылись под землей. Но к рассвету и Краун насытился и чувствовал себя превосходно.

Что-то прогремыхало в небе. Краун поднял голову и увидел, как серое зимнее небо прочертила тонкая светлая полоса. Полоса тянулась от небольшого серебристого предмета в форме стрелы. Он приближался, увеличивался в размерах и производил все больше шума. Вот он уже проплыл над самой водой, слегка приподнялся над берегом, повис на хвосте мерцающего облака газа, взметая песок, и наконец медленно опустился на три металлические опоры.

Краун стоял на склоне холма, скрытый в листве кустарников, и смотрел. Вопреки желанию он глухо прорычал на

странную машину. Открылся люк, и по металлической лестнице на песок медленно спустились четыре человека. Они были одеты в громоздкие скафандры красного, зеленого, желтого и голубого цвета. Они были в шлемах, на спине у каждого находился тяжелый баллон. Краун знал, что в голубом скафандре был доктор Холмен.

Бриз Доносил до Крауна приглушенные шлемами голоса людей.

– Ничего не вижу! Здесь же темным-темно! – раздался удивленный, чуть испуганный возглас.

– Включи нашлемный фонарь, Грег. Сквозь слои облаков лучи солнца не проникают на поверхность планеты... Взгляни-ка лучше на склон холма.

– Он сверкает... флуоресцирует...

– Ультрафиолетовые и рентгеновские лучи Альтаира, пронизывая здешнюю атмосферу, вызывают свечение минералов, которые находятся в земле.

– Вот почему нам необходим кислород здесь, – прозвучал голос доктора Холмена. – Слой озона развеет завесу облаков над планетой и станет надежной защитой от активной радиации Альтаира. Это позволит нам работать на поверхности планеты без опасения ослепнуть или зажариться.

Кто-то произнес:

– Да здесь темно, как в преисподней. Мне, конечно, говорили об этом на инструктаже, но к этому надо приспособиться.

Краун затаился в мокрой листве, тихо ворча себе под нос и наблюдая, как они бредут, спотыкаясь и переговариваясь друг с другом.

– Как ты там, Грег? – спросил доктор Холмен.

– Все будет в порядке. Дайте только отдышаться немного.

– Трудно поверить, что животные здесь что-то видят, – сказал человек в красном скафандре.

– Они все видят в инфракрасных лучах, – пояснил доктор Холмен. – Инфракрасные лучи попадают сюда из верхних слоев облаков. Сейчас для местной фауны стоит ясный, приятный день.

– Им можно позавидовать. Черта лысого мы найдем этих зверей в эдакой темноте.

Из красного скафандра донесся насмешливый голос:

– Об этом не беспокойся. Лучше пожелай, чтобы они нас не нашли!

– О-о-о!

Несколько часов поисковая группа ковыляла по берегу, исследуя остатки бывшего лагеря.

– Спасать здесь особенно нечего. Металл здорово заржавел... по крайней мере то немногое, что от него осталось.

Доктор Холмен указал на холм, где прятался Краун.

– Поищем там. Волной могло занести большую часть оборудования вверх, за деревья.

– Да в этой тьме нам все равно ничего не найти.

– Не будь таким пессимистом. Нужно попытаться, чтобы

быть уверенными.

– Долго нам здесь оставаться нельзя, – сказал человек в красном скафандре. – Этот воздух разъедает материал скафандров да и баллоны с кислородом тоже.

Не слушая предупреждений, доктор Холмен направился к склону. Тяжелый скафандр сковывал его движения, и оттого он шел медленно и неуклюже. Осторожно передвигая ноги, останавливаясь, словно цепочка слепых, они стали карабкаться на холм. Умей Краун говорить, он бы рассказал им, что волна смыла в океан все, что было на берегу. А в лесу ничто не напоминало о пахнущих бедой металлических штуках с побережья.

Инстинктивно Краун забирал в глубь леса, подальше от приближающихся людей. Он старался уйти незаметно, но все же так, чтобы не терять их из виду.

Вдруг он почувствовал опасность.

Сильный порыв ветра донес до него запах других волкотов. На свою территорию возвращалось семейство волкотов! И не контролируемое людьми. Скорее всего голодные. Когда они заметят людей...

Краун весь собрался в пружину на своем ложе из мокрых листьев, напрягся и Джефф на ложе в лаборатории. Ветер своенравно подул в другую сторону, и Краун больше не слышал запаха волкотов. Он знал – они подходят все ближе. Они ведь помнили, что тут, на берегу, получали свою пищу, и вместо того, чтобы пускаться в долгое путешествие на юг на

голодный желудок, предпочли набить животы на берегу.

Краун с шумом поднялся на ноги и угрожающе зарычал.

– Бог мой, что это?

– Свет, черт вас подери, свет! Да сюда... Это где-то здесь!

– Смотри!

– Да он со слона!

Краун снова зарычал, предупреждая людей об опасности, понуждая их вернуться на корабль и одновременно внушая другим волкотам, чтобы они не лезли, оставались на месте.

Но люди в дебрях леса застыли, уставившись на Крауна.

– Посмотрите-ка на его зубы!

– Так вот, друзья, это волкот, – сказал человек в красном скафандре.

Рука доктора Холмена нащупывала кобуру у пояса.

– Не трудись, – спокойно сказал человек в красном. – Этой игрушкой ты можешь только привести его в ярость. Ружья с транквилизаторами остались на корабле.

– Нам лучше вернуться!

– Не спеша и осторожно, – добавил доктор Холмен.

Краун сел, стараясь дать людям понять, что он не собирается нападать на них.

– Мне кажется, что это тот волкот, которого мой сын...

– К сожалению, мы не располагаем временем, чтобы быть представленными ему. Не лучше ли нам подобру-поздорову выбраться отсюда?

И без дальнейших разговоров четверка пустилась вниз по

склону, на берег, к своему космическому кораблю.

Но едва они прошли шагов десять, как Краун услышал сотрясающий землю рык вожака стаи. Оглянувшись, он увидел их: все восемь, они целенаправленно трусили по берегу, ведомые запахом человеческих существ. И даже ненавистный запах машин не остановил их: так могло действовать только одно чувство – чувство голода.

– Что там еще?

– Судя по звукам, их стало больше.

– Не мешает прибавить шагу...

Люди бросились бежать, спотыкаясь и падая, по склону холма. Но чем быстрее они бежали в этой для них непроглядной темноте, тем чаще падали.

– Проклятие! Я, кажется, порвал скафандр!

– Чинить некогда. Стяни как-нибудь и беги.

Волкоты почуяли страх беглецов. Они, галопом кинулись вслед, и расстояние между ними и членами экспедиции значительно сократилось.

Человек в красном бежал впереди. Он первым выбежал на гладкую поверхность песчаного берега и обернулся. В свете фонаря на гермошлеме он разглядел несущихся на него волкотов.

Молча, в полном спокойствии, он достал пистолет и выстрелил в приближающихся животных. Пули, но причинив никому вреда, вспахали песок, но звук выстрела напугал волкотов. Они резко затормозили свой бег, а затем снова зары-

чали.

– Скорее! Скорее! – взывал человек в красном скафандре. Доктор Холмен бежал последним. По наконец и он спустился с холма на берег. До корабля оставалось каких-нибудь сто метров.

– Спокойно, – приказал человек в красном. – Достаньте оружие. Побежите, когда я скамандую «Вперед!» Если звери пойдут на вас, стреляйте. Но ни в коем случае не останавливайтесь, бегите! *Vперед!*

Они сорвались с места. Волкоты тут же яростно взревели и рванулись за ними. Люди дружно выстрелили из своих никчемных пистолетов, но на сей раз выстрелы не остановили волкотов.

И тут фигура в голубом – это был доктор Холмен – споткнулась о кусок скрученного металла и полетела на землю.

Сначала его товарищи этого не заметили. Они мчались к космолету. Но Краун увидел, сорвался с места и с рыком, от которого, казалось, могло бы расколоться небо, ринулся вниз на берег.

Трое космонавтов уже были у корабля и карабкались по лестнице внутрь.

– Где Пит?

– Бог мой... он остался где-то там!

– Пит! Доктор. Холмен! Пит!

– Скорее внутрь! Надо зажечь поисковые огни.

Огромными прыжками Краун одолевал расстояние в

тридцать метров, перескакивая через валуны, ямы, полные жидкой грязи, поваленные деревья. Скорее вниз, к человеку в голубом скафандре.

Волкоты достигли фигуры в голубом раньше, но, прежде чем они успели коснуться ее, – Краун зарычал, бросая им вызов. Старый вожак повернул свою огромную голову и взглянул на Крауна, угрожающе огрызнувшись.

– Зажигайте огни... Ах, черт... Смотрите!

Теперь в люди могли видеть.

Восемь волкотов кружили возле неподвижного тела Питера Холмена. Еще один спускался с холма, чтобы присоединиться к ним.

– Подготовить орудия с транквилизатором!

– С гранатами?

– Нет, можем убить Пита... если он еще не...

Краун не прислушивался к их лепету, устремляясь через побережье к неподвижному телу. Рыча, фыркая, он прорвался сквозь стаю волкотов и встал прямо возле упавшего человека.

– Смотрите! Он, кажется, готов защищать Питера!

– Или оставить всю еду только себе.

Краун стоял, едва переводя дух, ощерясь во всю свою зубастую пасть, а восемь других волкотов медленно, но неумолимо сужали круг, готовые атаковать его.

Аманда Корли всматривалась в шкалы приборов на контрольной панели, потом позвала:

– Берни!

Ответа, конечно, не последовало. «Он собирает ребяташек... Собирает для того, чтобы обеспечить контроль над остальными волкочками».

Аманда повернулась в кресле и посмотрела на Джеффа. Мальчик вытянулся на ложе, окаменев от напряжения. Его нервное возбуждение прослеживалось без помощи всех этих мигающих красными огнями приборов наблюдения, хотя он и пребывал в полусознательном состоянии.

– Что делать? – прошептала Аманда.

Приборы, регистрирующие физическое и психическое состояние Джеффа, застыли либо на красной черте тревоги, либо совсем рядом. Сердце отчаянно колотилось, нервная система испытывала невыносимые перегрузки. Организм был затоплен адреналином.

– Долго выдержать такое никому не под силу, – пробормотала Аманда.

Она перевела взгляд на экран, на котором было видно все, что видит волкочка – *что переживает Джефф* – в данный момент.

Восьмерка волкочков продолжала кружить, рычать и фыр-

кать все там же. Сквозь стекло шлема можно было разглядеть лицо доктора Холмена на земле между передними лапами Крауна. Он, видимо, был без сознания, а может, мертв.

Аманда покачала головой.

– Если я попробую отключить Джеффа, он погибнет, сопротивляясь мне. Я должна быть рядом с ним... и надеяться, что Берни удастся вовремя подключить к контакту ребятишек!

Восемь волкотов, тощие и голодные, завершили свое кружение вокруг Крауна и лежащего человека. Еще мгновение, и они набросятся на них.

Из самых глубин памяти у Крауна вдруг всплыло решение. Теперь он знал, что ему делать. Негромко зарывав, он отошел от человека и медленно направился прямо к вожаку стаи.

Вожак был крупнее Крауна, старше его и сильнее. На его голове были заметны шрамы многих сражений, Краун остановился перед ним. Волкоты перестали кружить. Краун присел на задние лапы, чтобы освободить передние, и осторожно ткнул вожака передней лапой в морду.

Он не поранил вожака. Он просто дотронулся до него. Но смысл этого движения был ясен. Краун вызывал старого самца на бой за лидерство в стае. Это уже не было соперничество из-за пищи или территории. Это был вызов на смертный бой. Стая волкотов может иметь только одного вожака. Тот, кто бросил вызов, должен или убить вожака, или погибнуть.

Из космолета три человека с удивлением и страхом следили за тем, как остальные волкоты – кто лежа, а кто присев на задние лапы – приготовились наблюдать битву между двумя огромными самцами.

Довольно долго эти двое стояли друг перед другом, фырча, излучая взаимную ненависть и бойцовскую гордость. Затем неожиданно подобрались и прыгнули друг на друга.

Оба волкота, поднявшись на задние лапы, двумя парами передних хлестали друг друга по груди и животу, когтями вспарывали кожу. Свои могучие челюсти они до поры до времени в ход не пускали.

Первый прыжок и столкновение сотрясли берег – в слепой ярости сошлись шесть с лишним тонн мускулов и костей. Краун почувствовал, как у него из бока закапала кровь. На какое-то мгновение оба зверя отпрянули и разошлись. Вожак казался невредимым.

Но вот передышка кончилась, и соперники снова бросились друг на друга, и снова ни один из них не нанес решающего удара. Это было похоже на дуэль фехтовальщиков: постояли, покрутили хвостами, пофырчали, яростно водят глазами, – и вдруг рык, прыжок, сверканье когтей, и опять опускаются на все свои шесть лап, выскивают слабые места у противника, время и место для нанесения решающего удара.

Крауну приходилось туго. Реакция у него была не хуже, а может, и лучше, чем у вожака. Но тот был мудрее, больше уверен в себе, и удары когтями наносил точнее. У Крауна

на кровь сочилась из десятка ссадин и царапин. Они не были опасны для жизни, но потеря крови грозила вскоре истощить его силы, замедлить движения, чем тут же воспользуется старый самец, чтобы нанести ему последний удар.

Однако Краун перенял от Джеффа способность к восприимчивости – гораздо более сильную, чем у кого-либо из волкотов. Ему было больно, но это не мешало ему наблюдать за тем, как движется враг. Как тот напрягает плечи перед прыжком. Как опускает голову, чтобы защитить горло...

Старый самец прыгнул опять, но на сей раз Краун отскочил в сторону, извернулся в полете, как акробат весом в три тонны, и опустил на спину пораженного противника. Челюсти Крауна сомкнулись на загривке старого вожака, в то время как когтями он глубоко впился в бока обреченного волкота.

Один-единственный придушенный крик боли – и все было кончено. Старый вожак свалился мертвым, и Краун, с кровоточащими ранами, тяжело дыша, но с торжествующим видом встал над ним.

Он задрал голову и издал победное рычание, радостное и долгое. Остальные волкоты поднялись на ноги и молчаливо прошествовали перед ним, демонстрируя свою готовность подчиниться ему как своему новому вожаку.

Краун подождал, пока они все пройдут перед ним, затем возглавил шествие и повел стаю по берегу, подальше от людей, на юг – туда, где их ждало тепло и пища.

Только по прошествии трех дней врачи разрешили разговаривать с доктором Холменом.

Джефф с матерью неотлучно находились при больном, но он либо пребывал в бессознательном состоянии, либо спал. Его правую ногу одели в пластик, голову забинтовали. Первые два дня ему делали внутривенные вливания, но на третий день врачи отсоединили трубки, и теперь он, кажется, спокойно отдыхал.

На третий день утром, сразу после завтрака, Джефф направился в лазарет. Для всех обитателей «Деревни» эти дни тянулись нескончаемо. Никто не выполнял никаких работ. Люди чувствовали себя выбитыми из колеи и не знали, что делать дальше.

Джеффа несколько удивило, когда, проходя по коридору, он увидел через окно, что в комнате отца собрался народ. Все Полчеки – Лаура и ее родители – стояли возле постели больного. Там же, обнимая за талию Аманду, находился Берни Карбо. Сам доктор Холмен сидел на кровати и серьезно что-то обсуждал с ними; повязки на его голове не было.

Джефф тихонько постучал по стеклу. Отец заметил его, улыбнулся и помахал рукой, приглашая зайти, Джон Полчек приоткрыл дверь – она открылась лишь наполовину, потому что внутри было полно народу. Джефф проскользнул в палату.

Отец протянул ему руку. Джефф протиснулся к нему.

– Они мне все рассказали про тебя, – сказал доктор Хол-

мен. – Спасибо тебе.

– Это был... – Джефф почувствовал, что слова здесь ни к чему. – Я рад, что тебе лучше.

Он отошел от кровати и увидел, что Лаура смотрит на него с сияющей улыбкой.

Джон Полчек откашлялся.

– Как я уже говорил, Питер, мы прослеживаем путь животных. Обезьяны идут по протоптанной тропе на юг, волкоты ненамного отстают от них.

– Вы выяснили, куда именно они направляются? – спросил доктор Холмен своим привычно бодрым, деловым тоном.

Джон Полчек поморщил губы.

– Это могут быть самые различные места. Возле экватора довольно много славных местечек... Прямо курорты. Для них. Теплый океан, горы, которые ограждают этот район от холодных северных ветров, густые леса...

– Неплохое местоположение для баз и заводов-преобразователей.

– Да, пожалуй.

– Прекрасно. В таком случае попробуем детально исследовать три наиболее подходящие зоны в этом районе. Нужно удостовериться, что там есть достаточное количество животных... Они нам понадобятся. Мы потеряли впустую год, так что у нас теперь совсем нет времени...

– Нет! – услышал вдруг свой голос Джефф.

Доктор Холмен взглянул на сына.

– Что ты сказал?

– Я сказал... нет.

Все повернулись к нему. Джефф вдруг почувствовал себя так, будто он один среди стаи враждебных волкотов.

– Нельзя нам этого делать, – продолжал он. – Мы должны оставить в покое животных. Мы не имеем права убивать их, это несправедливо.

– Джеффри, – прервал его отец, стараясь говорить сдержанно и не давать воли гневу, – я знаю, ты привязался к этому животному...

– Дело не в Крауне. Сама идея порочна. Для нас самих плохо, если мы уничтожим их, чтобы завладеть планетой. Должен же быть другой, лучший способ...

– Но, Джефф, – сказал доктор Карбо, – вся наша работа, все люди «Деревни», все люди Земли...

– А разве мы помогаем всем людям Земли? – вступила в спор Аманда. – Мы помогаем самим себе и горстке людей, которые могут позволить себе прибыть сюда. Даже если нам удастся превратить Альтаир-6 в рай, это поможет менее чем половине процента населения Земли.

Карбо подмигнул ей. Но спорить не стал.

Доктор Холмен покачал головой.

– Нет смысла обсуждать проблему. Нас сюда послали, чтобы мы превратили планету в пригодную для колонизации...

– Я не буду этого делать, – сказал Джефф. Когда он про-

изнес эти слова, то понял, что именно так и поступит. – Я не буду способствовать гибели Крауна и всей этой планеты. И то же скажу другим ребятам. Они меня послушают.

– Ты не смеешь...

Лицо отца побагровело от гнева.

– Джефф прав, – сказала Анна Полчек. – У нас нет морального права уничтожать этих животных. Со временем они станут разумными. Но даже если этого не случится, мы не должны сметать их с лица планеты. Это негуманно.

Доктор Холмен стукнул кулаком по кровати.

– А что я скажу правительству, когда мы вернемся на Землю? Что мы сознательно прекратили работу экспедиции, потому что против были сопливый мальчишка и сентиментальная женщина?

– Нет, – спокойно ответила Анна Полчек. – Ты им скажешь, что мы решили использовать всю эту чудесную технику, которой они нас напичкали, для того чтобы помочь очистить планету Земля. Мы обязаны превратить свою собственную планету в рай для человечества!

– Мы не можем...

– Нет, можем! – страстно возразил Джефф. – Если у нас есть возможность изменить эту планету, почему мы не можем сделать этого с Землей?

– Ты не разбираешься в политике... не знаешь, что такое социальные и экономические проблемы...

– Да... придать этой планете желательную нам форму ока-

зывается гораздо легче, чем справиться с Землей, – засмеялся Берни Карбо. – А может, они правы, Питер? Может, нам и в самом деле нужно заняться этим?

– Вы все сошли с ума, – пробормотал доктор Холмен. – И я вместе с вами. Это безумие! После всего, что мы натворили с Землей, чтобы ее восстановить, потребуется по крайней мере тысяча лет!

– Так, – сказал Джефф. – Тысяча лет. Что ж, начнем *сейчас*.

Отец попытался нахмуриться, но лицо его неожиданно разгладилось и на нем появилась растерянная улыбка.

– Джефф, мальчик мой, однажды, в какой-нибудь год из этой тысячи лет, ты, пожалуй, станешь президентом.

Джефф улыбнулся и пожал плечами.

– Конечно... Если на это потребуется столько времени.

Огромная гроздь шаров под названием «Деревня» медленно, по спирали начала удаляться от шестой планеты звезды Альтаир. Сперва, когда корабль лишь начинал свой дрейф, только астроном с его тонкий аппаратурой мог бы заметить его движение.

Внутри корабля, в Центре контактов, Джефф Холмен в последний раз лежал на ложе, и вокруг него чувствительные механизмы мигали серебряными огоньками.

На лесистом склоне холма, оглядывая богатые лесами земли, где кормилась его семья, стоял Краун. Ветер ерошил его шерсть. Это был добрый ветер, чистый и сильный. Непонятное место, где были страшные блестящие металлические штуки, уже поблекшей тенью скрывалось в дальних уголках его памяти.

Что-то вдруг коснулось Крауна, глубоко в его сознании. Он задрал голову и уставился на блестящую гряду облаков, растянувшуюся от горизонта до горизонта. Он искал в небе что-то, чего его глаза не способны были видеть.

Но голос звучал в нем, голос без слов. Мысли, которых не могли выразить слова:

«Прощай, старина... удачной охоты...»

Огромный серый волкот поднял к небу морду и издал рев, наполненный ощущением восторга, радости жизни. И рев

ЭТОТ ОТОЗВАЛСЯ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ РАЗУМЕ ЧЕРЕЗ МНОГИЕ СВЕТО-
ВЫЕ ГОДЫ.